

МАРИАННА
Куро

Наследник
ЧЕРНОГО БАРОНА

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Марианна Кисс

Наследник черного Барона

<https://litres.ru/74275998>

Аннотация

- Ты думала, что просто уйдёшь отсюда? – черный взгляд пугает. - Да, я так думала, - говорю тихо. - Только после того, как родишь. И тогда можешь убираться на все четыре стороны. - Тогда я сделаю так, что ребёнка не будет, - говорю ещё тише. Он подошел совсем близко, обхватил ладонью шею, одним движением придавил меня к стене и прорычал в лицо: - Уйдёшь, когда родишь.

- криминал - властный и жесткий герой - чувства на грани - история не лайт - ХЭ

Новинка - Что за понты, детка

Содержание

1	4
2	16
3	29
4	41
5	59
6	75
7	93
8	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

1

Подхожу к клубу. На входе охрана не родная.

Жвачку жую посильнее, наушники на ушах, иду пританцовываю.

- Стопе малышка, - амбал остановил меня двумя пальцами в плечо.

Слюняво обсмотрел.

- В чём дело, я тут работаю, - недовольно жую жвачку.

- Не волнуйся, мы тебя не больно обыщем.

Здоровенными ладонями облапал везде проехался по телу, как так и надо.

- Сумку открывай.

- Качкого хрена?

- Я сказал сумку...

Резким движением открыла рюкзак, в котором куча всякого барахла.

Лапа охранника нырнула вглубь, поерзала.

- Доволен? - нахально усмехнулась я.

- Ну ты, не дерзи, а то ведь, могу и ещё разок обыскать.

- Мечтай придурок, - я вошла внутрь и пошла вниз по лестнице.

Совсем не обязательно знать амбалу, что я работаю только второй день и сегодня надеюсь... последний.

Ночь в самом разгаре, клуб гуляет. Музыка гремит. Бегаю с заказами. Терпеливо жду, когда же всё это закончится.

В полпервого ночи приехали какие-то люди. Важно прошли на второй этаж в вип зал. Туда же пошли несколько девок из танцовщиц. Вскоре потянулись заказы. Бармен махнул мне рукой.

Началось.

- Через минуту подойди, я наверх выдам.

Я кивнула и пошла в сторону туалетов. Подошла к большой пальме, что стоит между дверями женского и мужского, остановилась. Опустила поднос, прикрывая вторую руку и запустила пальцы в землю. Нащупала то что нужно, достала и быстро спрятала в карман маленького передника.

Сразу к бармену. На поднос поставила коктейли и бокалы. Пару бутылок с выпивкой.

Руки начали дрожать. А сейчас никак нельзя. Я ждала этого момента несколько лет.

- Возьми себя в руки, - проговорила вслух, всё равно музыка долбит так, что никто бы не услышал, даже если бы стол рядом.

- Всё, выдохнула, собралась и иди.

Крепко взяла поднос, сжала пальцами.

Испортить нельзя, другого шанса не будет.

Поднимаюсь по ступеням и чувствую чем ближе, тем меньше я волнуюсь, тем холоднее мой взгляд и решительнее шаги.

Сегодня или никогда.

У двери охрана. Черт. Снова заволновалась. Но один из них просто открыл мне дверь и пошло улыбнулся заглянув в декольте, которое я предусмотрительно открыла как можно больше. Все всегда пялятся на мою грудь, на это и расчёт.

Тупица охранник не стал исключением.

- Спасибо, - проговорила я, стараясь не смотреть в его глаза, вошла в зал.

По стенам вокруг диваны. Стою посреди комнаты полной мужиков, и девок сидящих рядом с ними.

В этот момент я не вижу ничьих лиц, только одно...

Единственное лицо. Самое уродливое, самое ненавистное, самое плохое лицо во всей моей жизни. Вижу только его - Барона. Главаря этой волчьей стаи и стайки шакалов.

В центре. По обе руки две проститутки обнимают его и довольно улыбаются.

Несколько секунд я, как загипнотизированная смотрела на него. Опомнилась, поставила поднос на стол, выпрямилась и снова смотрю на самого мерзкого, отвратительного, ненавистного человека во всём этом мире.

Он смеется, открыв рот. Подносит к губам сигарету и щурится от дыма.

Сейчас или никогда.

Рука моя скользнула в карман, нащупала рукоятку маленького пистолета. Я быстро достала его и направила на свою мишень – на Давида Ольшанского, по прозвищу чер-

ный Барон.

- У неё пистолет! - закричал кто-то.

- Гори в аду! – выкрикнула я и нажала на курок.

Прогремел выстрел.

- Сука, бойцы, кто её сюда пустил? Урою каждого, за что я плачу вам бабки... - проговорил Олышанский, с каждым словом слабей.

Схватился за шею и начал медленно оседать.

Одна из девок возле него пронзительно закричала.

Тяжелый удар по плечу заставил меня выгнуться от боли. Но мне уже было всё равно. Потому что увидела собственными глазами, как умирает эта мразь.

Замельтешило, забегало перед глазами. Острым лезвием пронзило тело Давида, он схватился за шею. Почему именно за шею? Под пальцами мокро. Хлюпает и пульсирует кровь, вытекая из маленького отверстия. Вытянул руку и в неясном, раздражающем свете увидел ладонь перепачканную в бурой жиже.

- Барон, Барон, смотри на меня, смотри на меня! - кричит кто-то и он смотрит, со всех сил открывает глаза, смотрит, но ничего не видит.

Только тени, кривые, пугающие, будто черти набежали растерзать его, в тот момент, когда слабость сковала тело.

Много рук с когтистыми пальцами схватились за него, все и сразу. Сейчас разорвут и утащат туда, откуда нет выхода, в адскую вечность. Это расплата.

Вот он - день икс.

Но почему так неожиданно. Без предупреждения. Он ещё столько всего не успел, столько не сделал.

Ничего не сделал. Ничего не оставил после себя. Раздерут коршуны всю империю, разорвут на куски демоны. Как жаль. Он так долго её создавал.

Мысли бегут, догоняя одна другую. Сознание бросает из стороны в сторону.

- Барон держись! – откуда-то сверху.

- Давид, вы меня слышите?

Среди темноты светлое пятно.

Что ещё за херня?

- Его фамилия Олышанский, дура ты! Не знаешь Олышанского!

- Как вы разговариваете с медработниками! Подождите за дверью!

- Делай что хочешь, но чтобы он выжил, иначе не выживешь ты!

„Тигран как обычно жопу рвёт. Молодец парень. Отгоняй коршунов, этих прожорливых сук, что сбегались выпить моей крови. Может у тебя что-то получится,,.

Наверное сейчас Барон должен подумать о Боге. О его матери.

- Думай, сын мой, обо мне, - сказал кто-то совсем рядом, почти на ухо.

- Нет, я не хочу ещё. Рано, мне нужен сын. Это мне нужен сын, - шепчут губы.

Тело корчится. Снова ворвалась боль. Коржит. Выкручивает руки, ноги, внутренности пляшут безумный танец, заставляя тело биться в предсмертной агонии.

- Раздевайте его, быстро, - снова врывается человеческий голос.

Кто-то рвёт рубашку у него на груди.

- Мне нужен сын, я не могу умереть, - рука цепляется за кого-то, оставляя на белом кровавый след.

- Будет у тебя сын, молчи лучше, ты мешаешь.

И он снова проваливаюсь туда, на облака, в существующее только в его воображении пространство...

Самый страшный человек во всём городе Х. Самый опасный из всех, валяется на диване в сраном клубе и держась за шею, издаёт невнятные хрипы.

Он знал, что не умрёт своей смертью, но чтобы так неожиданно и скоро, совсем не рассчитывал.

Тот, кто держит власть в городе в своих кровавых руках, безжалостный и жестокий, убийца среди убийц, вот так просто корчится, подстреленный какой-то девчонкой. Маленькой сучкой. Это несправедливо...

Сознание врывается назад, в комнату где всё произошло.

Вокруг него мужики и шлюхи. Сегодня повод - день рождения. Тридцать семь. Ещё один год он у власти. Память водит, подкидывает крупницы воспоминаний.

Эрик сказал, что бабло обдаст завтра, всё до копейки. Сема усмехнулся. Нехорошо усмехнулся. Подозрительно. Тигран зыркнул, показал взглядом – темнят, изворачиваются.

Вошла бесцветная официантка, никто как следует не разглядел её лицо... она достала пистолет. Маленький, блестящий. Наставила на Барона и сказала... что она сказала? От кого предала привет?

Какой урод из этих, что сидели рядом привёл убийцу?

Он заставит их съесть собственные яйца. Нет, сначала поджарит, а потом заставит съесть.

Это они, каждый из них давно и упорно мостятся рядом, хотят скинуть.

И эта чертова сучка, что же она сказала? – Гори в аду!

Самое смешное, что там он и будет гореть.

Только... с ней вместе.

Второй удар выбил из меня сознание...

Холод, первое, что ворвалось в него вновь.

Дрожь в теле не унималась. Нужно унять. Они не должны видеть, что я боюсь. Только моё бесстрашие и безразличие.

Да, лучше чтобы это было безразличие.

Понимаю, в живых меня не оставят. Пусть только сделают это быстрее.

Не открывая глаз, пытаюсь сообразить где я, но осознаю одно, лежу на холодном полу. Свернулась, обхватила плечи, пытаюсь согреться. Не помогает. Скорее всего, это подвал. Сырость и холод пробирает до костей. Спертый воздух ударяет в ноздри, боль голове не даёт расслабиться, открыть глаза и подняться.

Да и зачем? Что я могу сделать? Сейчас мне все равно.

Время запущенно, таймер скоро остановится. Скорее бы. Я старалась не представлять чего-то ещё, не придумывать разные способы, какими от меня будут избавляться. И чтобы у них не возникло желания долго меня мучить нужно, спровоцировать сразу. Отсюда мне всё равно не выйти.

Время идет, а никто не приходит, чтобы убить. Как долго они тянут.

Чем дольше, тем хуже. Я начинаю хотеть жить.

Начинаю анализировать - стоило ли оно того.

Убила или нет?

Открыла глаза. Темно. Как не пытается глаз приспособиться к абсолютной темноте, ничего не получается. Это невозможно.

Я оттолкнулась от пола и начала вставать. Села, пошатнулась от боли. Ноет под лопаткой и у шеи.

Уроды. Все они уроды.

Встала, почувствовала слабость в ногах и в теле. На холодном полу не слишком хорошие ощущения, но мне всё равно. Я привыкла. Холод не самое страшное, что было у меня в жизни. Он привычен.

Громкие торопливые шаги разрезали тишину, я вздрогнула. Вот оно, начинается. Только бы выдержать, только бы не сломаться...

Дверь со скрипом отворилась и впустила в подвал немного тусклого света. Где-то дальше по коридору горит лампа. Мощный свет фонаря ударил в лицо, я закрылась руками, защищаясь от слепящего света.

- Иди за мной, - проговорил человек.

- Никуда я не пойду, здесь убивай.

- Вот сука, - он пошел на меня.

Защищаясь, я вытянула вперёд руки, но цепкая лапа схватила за волосы и поволокла наружу.

Я шипела как змея, изворачивалась, пыталась дотянуться до лица этого уроды, но всё что получалось это беспомощно трепыхаться и хвататься за его рубашку, чтобы не упасть.

- Сука бешеная, сначала узнаем от кого ты, а потом прикончим, не переживай.

Лестница, ещё лестница, меня тащили куда-то вверх. Коридор. Тут пошел уже паркетный пол и стены, не воняющие сыростью. Открылась дверь, меня втолкнули в комнату.

Небольшая, пустая комната с маленьким окном под по-

толком. Стены - старая, затертая плитка. У стены стол посередине комнаты стул. Человек толкнул меня на этот стул, но я вскочила и отбежала в угол, так хотя бы я могу видеть, кто подходит.

Я влипла в этот угол и посмотрела на того кто притащил меня сюда. Он оказался не слишком высоким коренастым человеком. Молодой, тёмный, явно не русский.

Стараюсь смотреть смело, но думаю, получается не очень. Стою, жду что дальше, сейчас будут выбивать признание. И что я скажу?

Ещё шаги. За дверью недолго поговорили. Потом дверь открылась, и вошли двое. Один сразу прошел к стене, положил на стол чемодан, открыл его и начал доставать какие-то странные предметы.

Молоток, топор, плоскогубцы, щипцы.

Под кожей у меня зашевелился холодок ужаса. Неужели пытаться будут?

А что я могу сказать?

Этот, что привёл меня, о чем-то посоветовался с двумя пришедшими и повернувшись ко мне, засунул руку в карман достал телефон, нажал кнопку и проговорил:

- Как тебя зовут?

- Аня, - говорю давно выдуманное имя.

- Фамилия?

- Лукина.

Парень усмехнулся, и холодный взгляд прошелся по всей

моей фигуре.

- А теперь настоящие? - от стола отошел человек в железными щипцами и пошел в моём направлении.

- Это настоящие, - говорю.

- Допустим. Кто тебя послал?

- Никто, - говорю и смотрю на того, что приближается.

- А если подумать?

- Никто, - повторила упрямо.

- Режь, - указал на меня невысокий и прошел в другой угол, как бы отдавая пространство другим.

Двое зашли с обеих сторон. Один начал подходить, и я снова вытянула руки, чтобы защищаться. Но одним уверенным движением он схватил меня за руку, потянул на себя и быстро сцепил на мне объятия. Он обхватил меня так, что я не могла пошевелиться.

Другой подошел, взял мою руку, ухватился за большой палец и наложил щипцы, острый край врезался в кожу и я ощутила, как нажимает он на рукоятку.

Тошнота покатила к горлу, в голове помутилось, я почувствовала, как проваливаюсь куда-то в небытие.

Несколько пощёчин заставили снова открыть глаза. Сижую привязанная скотчем к стулу, руки где-то сзади.

- Ничего я не скажу, лучше сразу кончайте, - говорю смело при этом чувствую, что все пальцы на месте.

- Неужели тебе не хочется облегчить себе участь. Если скажешь сразу от кого ты пришла, мы тебя просто быстро

прирежем, раз и всё. Не будешь мучиться.

- Пошел ты, - говорю в рожу нагнувшемуся передо мной человеку.

- Ладно, я пойду, но только сначала ты скажешь, кто тебя послал убить Барона.

- Иди в жопу! - говорю и отворачиваясь.

Чувствую как трясутся у меня ноги, от того как сильно сдавила их плёнка скотча.

- Твоя жизнь сучка ничего не стоит, ты это понимаешь? Ни копейки, а тот человек, что тебя послал сейчас жрёт, наслаждается жизнью, трахается и смеётся над тобой. Ты оказалась такой душой, что полезла в логово к Барону.

- А мне насрать, - говорю улыбаясь.

- Хорошо давайте, - показывает мужиками и он подходят с каким-то ящиком с проводами.

- Это ток, он пройдёт сквозь всё твоё тело и возможно сожжет что-то из внутренностей.

- Отлично говорю, - а сама представляю.

Они начинают подсоединять ко мне какие-то провода, молча сурово поглядывая на мою грудь.

- Готово, - сказал, один и подошел к аппарату.

- Ну что, ты скажешь или всё-таки ток?

- Включай свою машинку, - говорю смело, - вы все тоже скоро будете гореть.

Злобно плюнула на них, и мужик нажал рычаг.

На экране комната. Посередине девчонка, привязанная к стулу.

Сейчас, когда волосы её в беспорядке разбросаны, лицо кажется знакомым. Но это не одна из проституток. Хотя он не сказал бы точно сколько сотен шлюх прошло сквозь его член. Их, ничего не значащие лица он даже не помнит. Просто мелькающие картины. Поэтому сейчас отталкивается только от опыта и интуиции. Не похожа девка на шлюху.

На пытках колются все. Достаточно приложить к пальцам щипцы и все говорят всё. Эта на щипцах молчала. Вырубилась, но не сказала ни слова.

Впервые Давид видит такое, чтобы кто-то не прокололся на щипцах. Дальше ток. Там можно по нарастающей. С малого тока, на первом этапе все начинают говорить. Эта молчит, упрямо стиснув зубы. Видно профи.

Но тогда почему, если она профи, так глупо попалась. Возможно, это и была задача попасть внутрь. Только что она сможет связанная по рукам и ногам. Нет, не профи.

Кто пошлёт не профи. Только идиот.

Давид наблюдает за тем, что происходит в комнате и копаясь в мозгах, отбрасывая всё лишнее, пытается понять, кто послал эту дуру его убивать.

Профи не промазал бы и не стрелял бы в него из дурацкой

женской мелкашки. От такой игрушки мало толку. Нужно попасть в глаз, чтобы пробить мозги, и тогда возможно будет смысл. А так, царапина. Правда ещё немного и девка могла попасть в сонную артерию, но и тогда бы его спасли.

От кого же пришла эта сучка?

Весь день, лёжа в палате в клинике доктора Соболева, Давид обдумывает этот вопрос. Парням дал суровое указание выбить из этой суки всё что она знает. Но что-то она не сильно разговорчива. Ещё и смеётся парням в лицо.

Давно он не видел, чтобы так смело вели себя в комнате для пыток. Тем более, чтобы молодая девка. Ей на вид не больше двадцати.

В дверь постучали.

- Входи, - беззвучно проговори Давид и в шее что-то закололо, - черт.

Врач запретил разговаривать, несколько дней нужно молчать как рыба. А как молчать.

Вошел Тигран.

Давид жестом показывает – Ну как?

- Молчит. Хрен его знает, откуда такая взялась упрямая. Сдаётся мне там что-то личное.

Давид губами показал что недоволен.

- Дай время, выьем. Это мы ещё не всё сделали. Ты оклемаешься, можно ещё попробовать. Пока пусть поваляется в подвале.

Давид показал жестом.

- Та мы ей только воду оставили. Без жрачки пусть посидит, неделю можно.

Указал на шею.

- Нет, пока не узнаем от кого, мочить не будем, не волнуйся.

Удовлетворённый Давид закрыл глаза. Потом снова открыл. Показал пальцем вокруг.

- Всё собираем, как положено. Всё тикает. Конкуренты притихли не к добру это. Как бы не прислали кого посерьёзнее.

Давид согласно моргнул.

- Тут у нас танк не проедет на каждом этаже вооруженная охрана. Очистили этаж сверху и снизу. Нет никого кроме наших бойцов.

Удовлетворенно моргнул.

- Что ещё?

Тигран понимает всё без слов, такой помощник Давиду достался давно. Вытянул пацана с улицы, от наркоты вылечил, теперь этот верный как собака.

Показал рукой, что пишет и пистолет типа держит.

- Да я понял, всех кого замочили - список...

Показывает от пола низко.

- Дети - понял. Всех детей проверить. Будет сделано. Ты это давай быстрее, - Тигран единственный человек кто по-настоящему хочет, чтобы Давид оставался жив.

Пошел к двери, там обернулся:

- Короче, девка будет ждать тебя для разговора.

Моргнул. Показал, чтобы поесть ей дали.

- Ладно, покормим. Но она сука упрямая и дерзкая такая аж бесит.

Ладонью показал, не бесись. Успокойся.

- Хорошо, буду спокойным, насколько это возможно.

Открыл дверь и вышел.

Что-то тут не так. Давид чувствует не простая эта девка. Ох, непростая.

В темноте, словно в бесконечности.

Не знаю сколько прошло дней или недель, не знаю за какой день или вечер, знаю только что уже скоро жизнь моя изменится. Хорошей она не была, лучше не станет. Оборвётся, только вот как, это ещё вопрос открытый. Я готова ко всему, знаю, эти твари получают своё, пусть не сейчас, но потом.

Единственное чего мне хочется это ещё раз посмотреть в его лицо. Глянуть и умереть. Больше ничего не нужно. Жажда убить его, и жажда видеть переплелись в одну непосильную.

Ненавидеть легче, чем любить, это я уже поняла.

Иногда приходит человек, приносит мне еду, воду и выводит в туалет. Тогда, я встаю с пола и иду на полусогнутых ногах. Несколько шагов из подвала. Потом возвращаюсь в

ставшую уже родной темноту. Привыкла. Понимаю, это последнее, что мне предстоит видеть.

Иногда я плачу. Не потому что жалею о том, что сделала и не, потому что попала сюда, а потому что всё могло быть иначе. Если бы только всё было иначе, возможно сейчас я была бы, там, рядом с ним, но я здесь, теперь это моя участь.

А его участь, видно не мной решиться.

Как хотелось стать его убийцей – не получилось.

Шаги. Дверь заскрипела. Вошел человек, осветил меня фонарём. Быстро подошел и прежде чем я успела что-то сказать или кинуться сопротивляться, схватил меня под руку и потащил к выходу.

Всё - это конец.

Силы покидают. Слабость наваливается, сковывает движения, стягивает шаг, заставляет болтаться руки. Мне всё равно. Уже всё равно. Пусть поскорее кончают.

Меня втолкнули в комнату. Двое мужиков схватили за руки, оттянув их назад. Один схватил за волосы, заставляя взгляд неподвижно уставится в стену.

Вошли ещё несколько человек. Среди них Барон.

Вот он, перед моими глазами. Черный, высокий, с тёмным суровым взглядом, обращённым на меня.

- Ну здравствуй, девочка-убийца.

Он проговорил это таким спокойным голосом, что я даже подумала, сейчас меня отпустят и мы просто поговорим. И

может быть, у меня появится возможность вцепиться в его лицо ногтями, а может и в шею замотанную тёмным шарфом. Тогда я точно не упущу свой шанс.

- Ты заставила меня разозлиться и убить несколько ни в чём не виновных людей. Нехорошо, Аня Лукина.

- Мне плевать, - говорю зло.

Скулы сводит от натяжения волос, так сильно этот гад держит и так больно, но мне плевать, они не увидят моей боли.

- Ты тоже сегодня умрёшь. Только перед тем как это случится, очисти душу от ненужного зла и голову от ненужных имён. Произнеси их и иди с миром, в мир иной.

- Не дождёшься. Пусть твои мозги всю оставшуюся жизнь будут заняты этим вопросом. А жить тебе недолго осталось. Такие уроды как ты, всегда получают своё.

- Откуда такая уверенность? – на лице его улыбка дьявола.

Снисходительное и удивлённое выражение. Наверное, считает меня глупой.

- Потому что ты мразь, а мрази долго не живут, - говорю, бросая слова ему в лицо.

Взгляд его бежит по мне, пытается зацепиться за что-то, чтобы вспомнить.

- Скажи только одно имя и ты уйдёшь без мучений. Если не скажешь, тебя ждёт очень короткое и очень плохое будущее. Мы всё равно узнаем от кого ты пришла, но хочешь ли ты, чтобы перед этим тебя трахнула толпа потных мужиков? Выбор за тобой.

Не знаю, почему я сопротивляюсь и о каких муках он говорит, не догадываюсь. Не знаю почему не произношу имя, ведь так было бы намного проще. Я не хочу, чтобы эта стайка уродов смеяась и комментируя поиздевалась надо мной, а потом выкинула в мусорную кучу моё тело. Но я упрямо молчу и тем самым ухудшаю своё никак нелёгкое положение.

Страх отключился несколько минут назад, когда я увидела Барона. Неоправданная, губительная смелость вгоняет меня в ситуацию, из которой только один выход – смерть. Но я тяну и ничего не делаю, для того чтобы облегчить или предотвратить.

Почему?

Потому что я не верю в то, что он убьёт меня.

Барон пошел на меня, подошел так близко, что я почувствовала его дыхание.

- Мне нравится твоя смелость, но она тебе не поможет, - проговорил, рассматривая моё лицо.

- Вы все горите в аду, - повторяю фразу, за которой легче спрятаться.

В глазах Барона сверкнула ярость. Он схватил меня за подбородок, сдавил скулы.

- Ад, там где мы, совсем скоро ты это узнаешь.

Несколько раз я вздохнула, а потом собралась с силами и плюнула ему в лицо.

Он замер, прикрыл глаза, словно запоминая этот момент навсегда. Потом прошелся по лицу рукавом.

- Ну что же, сегодня у Лилианны появится новая бесплатная шляха. Тебя будут драть все кто захочет! И как захочет! Забирайте её!

Меня скрутили и снова поволокли.

- Передайте Лилианне, это подарок от Барона! – крикнул он нам в след.

Не совсем понимаю, что происходит. Ещё не верится в его слова. Под впечатлением от встречи, всё еще не могу переварить, куда и зачем меня ведут.

Вышли во двор, холод охватил босые ступни, кроссовки они сняли с меня ещё в самом начале. Ленъ наверное было вынимать шнурки. Ветер врывался под распахнутую рубашку. Куртка моя и сумка всё осталось в клубе. Они уже не понадобятся.

Меня втолкнули в машину.

Единственное, что поняла - больше не увижу Его никогда.

В машине сижу между двух отморозков. Стиснули твёрдыми боками с обеих сторон.

Руки мои связаны тугой лентой. Не сопротивляюсь, это бесполезно. Не усугубляю положение, оно и так хуже некуда.

В голове хаос. Сейчас, когда сам Барон отправил меня куда-то я понимаю, наверное, теперь придётся совсем не сладко. До этого момента всё казалось нереальным, а сейчас я почувствовала вот оно, совсем рядом. Не хочу представлять, что со мной сделают, но где-то в голове пульсирует - Тебя

будут драться все кто захочет! И как захочет!

Ещё теплится надежда. Может, нужно было сказать? Тогда бы убили тихо. А теперь, что будет?

Леденящий страх охватил тело. Чем дальше едем, тем хуже я себя ощущаю. Тошнота подкатывала к горлу, и я закрывала глаза, сдерживая позывы.

В машине только музыка, пара фраз между бандитами, но я не воспринимаю, не слышу о чём они говорят. В голове засели лишь слова Барона.

Если нужно смириться с тем что есть и закрыв глаза принять это, я приму. Обречённо и наверное бессмысленно.

В сердце больше ненависти к нему. Ещё больше. Куда столько? Разве может сердце до того ненавидеть одного человека. Может. Это всё что я делаю последние месяцы. Ненавижу черного Барона. Вталкиваю в себя эту ненависть насильно, для того чтобы вытеснить что-то другое, чего не должно там быть.

Как жаль что не получилось убить. Как жаль. Я начала молиться, просить бога, чтобы кто-нибудь другой сделал это за меня.

Машина остановилась в тёмном пустыре. Дверь открыл тот, что справа и потянул меня за связанные руки. Я вылезла из машины, споткнулась, он удержал меня.

- Не падай, - проговорил даже с сочувствием.

Может, отпустит? Вряд ли.

Пошли к двери очертания которой в темноте не сразу за-

метны. Парень стукнул пару раз кулаком. Никто не открывает, стукнул ещё раз. За дверью гулкие шаги.

Прогремел засов, со скрипом железная дверь открылась. Мужик с некрасивым лицом прищурившись посмотрел сначала на того кто меня привёл, потом на меня.

- Привет, что тут?

- От Барона подарочек Лилианне. Принимай бесплатную шлюху, - он толкнул меня в проём, а уродливый мужик подхватил за связанные руки.

- Передай Барону - сделаем всё как он хочет. Благодарю от Лилианны.

- А как же. Пользуйтесь, - усмехнулся тот что меня привёз, и пошел к машине.

Дверь захлопнулась, проскрипел засов. Уродливый мужик потянул меня по узкому коридору с кучами пустых ящиков по бокам.

Иду босиком по грязному полу. Подошли к двери. Мужик толкнул и дверь распахнулась. За столом женщина. Толстая, с черными волосами похожими на парик. Лицо её сильно накрашено, губы густо намазаны красной помадой. В зубах сигарета. Женщина затягивается, не вынимая сигарету изо рта. Руки заняты, пересчитывают деньги.

Мужик втолкнул меня в комнату.

- Вот, принимай, Барон прислал новую сучку.

Женщина окинула меня взглядом профессиональной сутенёрши:

- Ничего такая. Это он хотел, чтобы я её бесплатно выставляла?

- Ага.

- Обломится. За такой цветочек нужно ещё поторговаться. Пока не стала грязной, пусть поработает за бабки.

- А Барон узнает? Если он пришлёт клиентов бесплатных?

- Кто? Ты что идиот? Где Барон, а где мы. Отдал и забыл. Каких клиентов, ему лишь бы избавиться, - она досчитала деньги, открыла ящик стола, скинула туда всё что посчитала.

- Так куда её, к дешёвкам?

- Нет, мы на ней заработаем, а потом к дешёвкам, - говорит женщина, встаёт из-за стола и её полное тело обтянутое облегающим тигровым платьем двигается прямо на меня, - сколько парней у тебя было, милая?

- Это не ваше дело, - проговорила я отстраняясь.

- Как же не моё, теперь ты - моё дело и больше ничьё. Так что отвечай, а то позову пару парней, чтобы поддержали тебя. А мы будем рассматривать, что там у тебя между ног.

Она подошла и резко тронула меня за пах. Я дернулась к стене.

- Говори сучка, были мужики и сколько, иначе разложу на этом столе.

- Не было, - говорю испуганно.

Она так и встала, полное лицо удивлённо вытянулось.

- Ёхарный бабай! Это он нам целку подкинул? Охренеть, спасибо Барон. Целок сейчас и с локаторами не найдёшь.

Нужно проверить. Зови девок, пусть поддержат, я сама лично хочу на это посмотреть.

Мужик вышел, а я сильнее прижалась к стене. Что это они собрались делать?

Через пару минут в комнате появились какие-то полураздетые девушки, из одежды на них только нижнее бельё. Только вошли, сразу начали осматривать меня.

- Это она что ли целка? Что-то не похоже, - проговорила одна, другая усмехнулась.

- Давай, держи её и на стол, - по-деловому указала тётка и они начали подходить ко мне с разных сторон.

Пытаясь отмахнуться, я вытянула руки, но меня быстро схватили и потащили к столу. Я извивалась, пыталась не дать трогать себя. Их руки оказались сильнее. Меня толкнули на стол, резким движением раздвинули ноги. Толстая женщина дернула с меня трусы, и я в ужасе задергалась ещё сильнее.

- Твою мать, действительно целка, - усмехнулась толстая баба, заглянув мне в промежность.

- Отпустите, - я начала брыкаться так сильно, что ударила её ногой по плечу.

- Ты смотри сука, ещё и вые....тсья. Ладно, и на том спасибо. Целка - это деньги. Чтобы не выё....лась неси, давай, - она кивнула мужику и он понятиливо вышел.

- Держите её, - сказала тётка девкам.

Одна навалилась на меня со всей силы, другая схватилась за ноги, а тётка скрутила мою руку. Когда я повернула голо-

ву, мужик уже был рядом, а в руке его огромный шприц.

Укол. Я дёрнулась ещё раз или два и почувствовала, как поплыло моё сознание и всё расплылось, лица, звуки.

Я обмякла и закрыла глаза... Мне стало всё равно.

Тигран вошел в кабинет, в руках сумка и джинсовая курточка с белым меховым воротником.

- Давай сюда, - Давид указал на стол.

Вытрусил все содержимое рюкзака, но тут всякая девичья хрень. Игрушечки жвачки, косметичка. Вытрусил и её, перерыли. Кошелек резанул ножом для бумаги, ничего подозрительного.

- Тут вот всё по фамилиям и датам. Там и дети, - Тигран положил на стол папку с файлами.

Барон открыл, пробежал взглядом два листа, список людей, которых уже нет.

- Ты хочешь, чтобы я сидел и вспоминал, - раздраженно откинул он список.

- Нет, мы проанализировали, и проверили, ни у кого нет дочери такого возраста.

- А вы знаете её возраст?

- Ну, в этих рамках есть несколько человек, но мы всех проверили лично. Дозвонились и узнали, где кто находится. Проверили по камерам видеонаблюдения, городским. Всё в порядке.

- Ты хочешь сказать, что она вот такой хреновый киллер? А я её первое дело, - зло улыбнулся Давид.

Тигран стоит, мнётся.

- Ну, говори.

Нехорошее предчувствие заставило прищуриться и вцепиться взглядом в лицо парня.

- Тебе не понравится, - сказал Тигран, отводя взгляд.

- А мне вообще мало что нравится в этой жизни, - злой голос, предчувствие подвоха.

- Вот, - помощник протянул лист бумаги и старую газету, - тут сходится всё.

Барон сдвинул брови, недовольно взял бумаги, открыл первую полосу и... кровь ударила в лицо. Прошное ворвалось в память. То прошлое, от которого он так долго пытался скрыться, старался вычеркнуть из памяти навсегда.

То прошлое, которое сделало его тем, кто он теперь есть - кровожадным убийцей.

Он открыл заметку, прошелся по ней взглядом. Сел сложив по сторонам газеты ладони и склонившись над ней. Навис головой, закрыл глаза.

- Только у них была дочь, которая подходит по всем пунктам, - голос помощника вернул в действительность.

- Тина, - прошептал Барон. - Дочь Лизы.

Он закрыл Лицо руками, и несколько минут сидел неподвижно, не веря в то, что такое может быть. Теперь он понял, откуда это лицо. Этот взгляд дерзкий, упрямый и... непокорный.

Резко очнулся от дум:

- Где она?

- Кто, девка? В притоне.

Барон посмотрел на Тиграна, так как будто сейчас убьёт одним только взглядом.

- Звони сука, останавливай! Девку давай обратно!

- Давид, но я не ручаюсь, что её уже...

- Блять, чего стоишь, сука давай телефон! - Барон вскочил с места.

Тигран достал телефон и быстро набрал номер. Давид схватил трубку.

- Значит так, - прокричал он, как только на том конце ответили, - последнюю не трогать!... Значит убери, иначе я с тебя сука кожу живьём спущу! Давай сука, делай!

Злобно кинул телефон на стол.

- Блять, сука, сука! - сжал голову руками.

Давно Тигран не видел босса в таком состоянии. Тот остановился у стола, глянул на разбросанные вещи из рюкзака. Небольшой медвежонок, брелок с ключами привлёк его внимание.

Давид взял брелок, помял его и остановился, быстро взял нож, подпорол нитку и разорвал ткань. На стол упало небольшое сердечко с цепочкой. Медленно Давид протянул дрожащую руку. Взял сердечко, надавил, и оно открылось.

- Твою мать, - проговорил он и словно окаменел.

Из каждой половины сердечка на него смотрело знакомое до боли лицо. Лицо Лизы.

- Кто это? - глянул Тигран, - ты её знаешь?

Тёмный взгляд заставил Тиграна замолчать. Это взгляд всегда пугал даже его.

Подпольный бордель Лилианны, эта помойная яма кишачная извращениями и проститутками разного сорта, видел много разных напастей. Тут случалось всякое, драки, истерики, потопа, пожары, даже убийства.

Сегодня же стенам заведения предстоит навсегда запомнить события, потому что сразу после этого им суждено кануть в небытие.

Сегодня подпольный бордель Лилианы, вместе с хозяйкой прекратит своё существование.

Выстрел из крупнокалиберного пистолета с разрывными пулями разнёс засов и дверь жалобно взвизгнув, отворилась. Несколько человек в черном быстро пошли по коридору. Один толкнул дверь в кабинет хозяйки.

Сама хозяйка, услышав выстрелы, начала торопливо доставать из ящика и запихивать за пазуху пачки купюр. Сигарета, вечная спутница и сейчас прилипла к губе.

- А, Барон, какими судьбами, - женщина сплюнула потухший чинарик и испуганно глянула на показавшегося в проёме человека.

- Где она? - проговорил Давид, испепеляя взглядом разо-

детую в красное толстуху.

- Ты о ком Давид, кофе будешь? - пыталась разрядить обстановку бывшая шлюха, а теперь удачливая сутенёрша Лилианна.

- Ты знаешь о ком, - в его голосе тихая угроза.

- Так это, ты же сам сказал, делай что хочешь и причём бесплатно. Ты подарил мне её, Давид.

Если он пришел лично – плохой знак.

- Подарил, а теперь хочу забрать. Говори старая сука, где она?

- Ты же не сказал что она целка, если бы сказал, я бы сразу поставила бесплатно. А так... она сейчас под кайфом...

Давид кивнул одному и тот подошел к Лилианне, достал большой нож с зазубринами.

- Сейчас твои вонючие кишки расскажут мне все, что я хочу знать.

- Нет, подожди! Она внизу, на аукционе, - испуганно глядя на нож, выпучила глаза Лилианна.

Давид ещё раз кивнул. Парень, что стоял рядом резко дернул рукой. Женщина вскрикнула села на стул и расплылась замирая.

В глазах её застыл вопрос – Почему, за что?

- Пошли, - проговорил Давид и они пошли дальше.

Дверь в комнату аукционов разлетелась на много мелких фрагментов. Несколько человек находящихся в комнате испуганно прижались к стенам.

Давид прошел и посмотрел на кровать посреди комнаты. Скорее и не кровать, а так кушетка, на которой лежала девушка. Оголенное, бездыханное тело безучастное к происходящему.

Подошел медленно, осмотрел. Рука его в черной кожаной перчатке то сжималась, то разжималась. Все кто стоял и смотрел на это, подумали бы, что он хочет схватить, но не решается.

Минута, другая. Барон рассматривает бледное тело, освещенное белой лампой. В воздухе повисло что-то страшное, концентрация страха и угрозы сделала воздух плотным, взрывоопасным.

Лампа под потолком освещает только тело девушки, всё остальное, а это мужчины в страхе прижавшиеся к стенам, видны нечётко и почти без лиц.

- Ну что, товарищи извращенцы, кто дал больше?

Угрожающая тишина прорезала комнату.

Давид мотнул головой, один из бойцов схватил мужика, что стоял рядом и кинул его на пол.

- Нет, это ни я, ни я, - закричал он пронзительно. – Пощадите, пощадите, у меня семья!

- У него семья, - усмехнулся Давид и кивнул.

Нож вошел в горло, заставив жертву хрипеть.

Остальные попятились в угол.

- Кто ещё хотел купить её? – спокойно спросил Давид.

Все затихли.

- Ну что же вы, смелее, - усмехнулся Давид. – Хорошо, ладно, считайте, что сегодня ваш второй день рождения. Идите и если хоть один из вас появится в подобном заведении, это будет последним днём вашей жизни.

Он снова мотнул головой, дверь открылась, выпуская желающих поскорее уйти людей.

Когда все вышли в комнате остался только он и Тина.

Барон встал над ней и снова тщательно осмотрел тело. Снял перчатку. Тронул пальцами живот девушки, провел до груди, белой, с тонкой прозрачной кожей, дотронулся до шеи, а потом убрал руку. Устало вздохнул.

Сделал шаг в сторону, к её ногам. Тронул ступню, повернул её и увидел маленькую тёмную родинку. Он провёл по ней пальцем.

- Тина, что же ты наделала?

Снял куртку, прикрыл её тело. Подхватил под спину и ноги, и понёс отсюда.

Когда он вышел на улицу у дальней стены толпились девушки. Испуганные, в панике они прижимались друг к другу. Давид подошел к машине, положил тело Тины, прикрыл его курткой и закрыл дверь.

- Идите домой, – сказал сбившимся в кучу проституткам.

Затем кивнул парням. Пока садился в машину, парни начали обливать стены притона бензином.

Я открыла глаза. Несмело повела взглядом.

Всё вокруг белое. Стена, потолок, шторы на окнах. Кожей ощутила шелк белья и сразу уловила чьё-то присутствие. Быстро села прикрывая голое тело. Ещё не понимаю где я, но уже знаю у кого.

Барон сидит напротив, повернув стул спинкой и сложив на ней руки. Смотрит напряженным недопонимающим взглядом. Словно знает что-то, но всё равно пытается сам себе что-то объяснить.

Как всегда, в черном. Рубашка туго застегнута у шеи. Голова слегка наклонена на бок, думаю это от моей пули, которая зацепила его. Жаль, что только зацепила.

Много дней я стреляла по мишеням в тире, много раз попадала в яблочко, а когда дошло дело - промазала. Так хотелось избавить мир от этого черного паука, засевшего в своём тёмном логове.

Но сейчас вокруг всё белое и это сильно смущает моё понятие о тёмном и светлом. Словно контраст между нами, я укрыта светлым, а он облачён в черное.

Я заметно заволновалась искоса глядя на него, не могу смотреть прямо в глаза, потому что боюсь быть сожранной этим черным взглядом, попасть в его власть и начать ему подчиняться, вот чего я больше всего боюсь. Перестать его ненавидеть.

- Как спалось Тина? – голос Барона прорезал застоявшу-

юся тишину комнаты.

- Не твоё дело, - отвернулась, смотрю в окно.

- Моё. Это же меня ты хотела убить.

- Жаль, что не убила. Где моя одежда? – повернулась, глянула презрительно.

- Осталась в притоне.

Я покраснела, вспомнила, что там было. Ещё сильнее прижала простынь к груди и быстро глянула на Барона.

- Это же ты меня туда послал.

- Если бы ты сказала, что ты Тина Потоцкая, я бы не послал тебя туда, - край губы вытянулся в улыбке.

Чему тут можно улыбаться?

- А, ну да, получается всех кроме Тины Потоцкой нужно посылать в притон? – говорю насмешливо.

Пытаюсь противостоять, получается плохо. Напускная дерзость слабая и кажется совсем бессмысленная, но я держусь и буду держаться до конца. Чтобы он не приказал сделать со мной, постараюсь выстоять.

- Не всех, только тех, кто стреляет в меня, - говорит, прожигая черным взглядом простынь, которой я прикрываюсь.

- А как ещё избавляться от подонков? – усмехаюсь в ответ.

- По-твоему я подонки?

- Да.

- Если тебе это интересно, настоящим подонком был твой отец, если ты это имеешь в виду, а я так, рядом стоял. Вот он, был изощренным подонком, какие редко встречаются.

Слух резануло и очень сильно. Слова про отца, рассердили меня и заставили снова лезть на рожон.

- Я могу идти? – говорю, посмотрев как можно нахальнее в глаза Барона.

- Нет, - сказал резко, как отрезал.

- Почему?

- Твой отец, был кое-что мне должен. Поэтому теперь, взаимозачётом - ты принадлежишь мне.

- Скажи, сколько он должен, я заработаю и отдам.

- Ты подумала, что он должен деньги? Это не деньги Тина. С деньгами было бы всё намного проще.

- Значит, за это ты его убил? – смотрю смело в его глаза и вижу, как меняется в них холодное выражение убийцы.

- Ты очень удивишься если я скажу, что не убивал ни его, ни твою мать.

Возможно, сейчас я бы поверила в его слова, сказанные серьёзно, если не знала бы точно, что это неправда.

- Я не настолько глупа, чтобы тебе поверить.

- А что ты скажешь на то, что я любил твою мать.

Слова застряли у меня в горле. Но даже после этого всё ещё хотелось дерзить. Почему-то совсем не было страха. Если он забрал меня из притона, то значит... я многое могу себе позволить.

- Так любил - что убил? - дерзко улыбнулась я.

Взгляды наши столкнулись и застряли. Никто не двигался и не отводил. Мне даже показалось на какие-то секунды, что

верю всему, что он говорит. И даже почувствовала, что с сегодняшнего дня, вот с этого самого момента принадлежу ему этому человеку. И почему-то мне стало спокойно. Странно, нелогично. Но спокойно. Я уверена, он не сделает ничего. Потому что не сможет. Он связан со мной, так же как и я с ним. Я его ненавижу, а он меня... не знаю. Если его ненависть ко мне была, то она закончилась в тот момент, когда он сказал про мою мать.

Пока ещё не понимаю, что это значит для меня.

Барон встал со стула, пошел к двери. Взялся за ручку, потом отпустил, вернулся и подошел к кровати. Он откровенно рассматривал меня, а я жалась под этим взглядом. Казалось, он сейчас просто возьмётся за простынь, дернет с меня и я останусь перед ним совершенно голой. Но он стоит, ждёт чего-то заставляя меня потупиться.

- В этой жизни я сделал много плохих вещей, и да среди них были убийства. Тут ничего другого не скажешь и ты должна это знать. Но единственное чего я не совершал, я не убивал ни твоего отца, ни твою мать. Тот, кто сказал тебе это – намеренно или случайно соврал.

Слова эти почему-то показались мне правдой.

Барон пошел к двери, а я обхватила колени, прижала к груди. Взгляд мой остекленел.

Неужели я так жестоко ошиблась, неужели он правда не убивал.

Он любил. Ну конечно - он её любил. Другого и быть не

могло. А я то дура.

И что мне теперь с этим делать?

Дочь Лизы у него в руках.

Такая удача происходит только раз в жизни.

Судьба злодейка ещё не всё рассказала на эту тему. Она её не закрыла.

А он-то думал, что так долго нет ничего. Никакого чувства. Думал всё. Любовь к Лизе была первая и последняя.

С тех пор очерствел душой до той стадии черствости которая граничит с камнем. Ещё немного и каменная душа.

Кто же это так задумал?

Подождать, отодвинуть момент полного, безвозвратного оледенения сердца.

Значит не тогда, когда Лиза лежала раздавленная в поко-реженной куче метала, суждено было ему заледенеть. Не тогда, когда эта мазь, вонючий ублюдок Сава Потоцкий забрал ее у Давида, сделал своей шлюхой, а самого Давида послал на убой.

Конечно, он хотел бы убить эту вонючую падаль, но вмешались высшие силы.

Потоцкий слишком любил скорость. Он ее любил, а она его убила. А с ним рядом была и Лиза.

Кто в этом виноват, да никто. Просто так распорядилась судьба.

И вот теперь, когда остался один только шанс для кого-то

проникнуть в его сердце, растопить его, перед глазами точная копия Лизы.

Разве Тина пришла убить его? Нет. Ее прислали не для этого. Она появилась на пороге того вонючего клуба только с одной целью, выстрелить в него, чтобы в тот же момент его ледяное сердце начало таять.

Он видит, как она смотрит, понимает ее ненавидящий взгляд.

Не просто так она пришла, промазала и попала в его руки. Все было предопределено и каждый из пунктов, если бы не сработал в холостую, ничего бы не было. Все кто участвовал в этом, не доделали свою работу.

А в итоге, он получает в своё единоличное пользование и обладание девушку, дочь Лизы.

Он думал она наёмник. А она просто мстит за отца. Мстит за подонка.

Разве это не судьба? Разве не высшие силы подсказали Давиду путь исправления.

В тот момент, когда он понял, кто она, понял и то, что судьба даёт ему второй шанс. Возможно последний. Так и есть. И он не упустит это шанс.

Другого уже не будет.

Тина пришла к нему, чтобы стать его половиной, это же ясно.

Пришла чистая, а он хотел ее опустить. Слишком жёстко. Хорошо, что успел, иначе не простил бы себе её падения.

В кабинете Давид стоял у окна, разглядывая кусты роз, возле которых возится старик садовник.

Давид любит розы. Любоваться нежными лепестками, удивляться их совершенству. Любит дарить их, но больше всего он любит их срезать.

Стук в дверь заставил выйти из задумчивости.

Вошёл Тигран. За ним ещё двое и ещё.

Двое встали в центре. Один спокойный, другой испуган.

Давид не знает их имена, не считает нужным запоминать новых, пока они не зарекомендуют себя в деле.

Ещё пару минут он стоял глядя в окно, так не хотелось отвлекаться, но работа никуда не денется. Статус нужно подтверждать каждый день или кто-то другой подтвердит его за тебя.

Повернулся, глянул, холодным ничего не означающим взглядом, на стоящих в центре комнаты парней.

Губы дрогнули, слова ещё не вылетели, когда один их стоящих кинулся на колени и зарыдал:

- Барон, клянусь, я не хотел, я не виноват! У неё был поднос полный выпивки, я побоялся, чтобы она не уронила, ну как я мог...

- Заткнись, - проговорил Давид холодно и тот судорожно всхлипывая замолчал.

Барон перевёл взгляд на того что спокоен, крепкий парень с буграми мышц. Спокойствие его в принципе оправдано.

Хладнокровие, в зачёт. Взгляд пустой, безучастный, годится.

- Ты что скажешь, - Давид присел на край стола.

- Девку я обыскал, при ней ничего не было. Админ сказал, она пришла накануне устроилась на стажировку, очень просила. Он решил кидануть её на три дня без зарплаты, у них практикуется такое кидалаово. Она согласилась, причём сразу без вопросов. Если что-то и было, то спрятала как раз в день когда пришла.

- Хорошо.

Давид встал, прошел за стол, выдвинул ящик стола, достал ствол и быстро выстрелил.

Один из двух упал на пол и затих.

Запертая в комнате я была совершенно спокойной.

Нет Барон не убьет меня. Не сейчас.

Он будет беречь меня, потому что любил мою мать.

Долго на этой уверенности я не продержусь. Кто знает, что у него в голове. В его черных глазах сложно что-то прочитывать.

На стене былые стрелки часов отмеряют минуты, а ничего не происходит.

Но хуже всего, что нет никакой одежды.

Я встала с кровати завернулась в простынь, прошла по комнате. Пустота. Только стены и кровать больше ничего

нет.

Дверь, в которую входил Барон и дверь рядом. Я прошла, открыла. Туалет и душ.

Повернула обратно, пошла к окну. Осторожно выглянула и с высоты второго этажа увидела человека, что возится возле кустов. Я дернула ручку окна, оно открылось и я выглянула наружу.

- Эй! - крикнула старику, - Помогите! Меня выкрали, держат взаперти!

Старик повернулся, посмотрел, а потом пожал плечами и снова отвернулся.

- Вы должны мне помочь, вызовите полицию!

- Хочешь за решетку, - сказал кто-то сзади и я отскочила от окна.

- С какой стати, - сразу стала дерзкой.

Сзади стоял парень с пакетами. По виду похожие на те, что из магазинов одежды.

- С той стати, что покушение на убийство это уголовно наказуемое преступление. Или ты не знала? - сказал, чётко проговаривая слова.

На русского не похож, но говорит без акцента и так, словно у него высшее юридическое образование.

- Не твое дело, - грозно глянула я.

- Сбежишь, тебя будет искать полиция. Они быстро состроят обвинение, потому что получают заявление от Барона.

- Что это у тебя? - говорю, указывая на пакеты.

- Вот это правильно. Давай-ка оденься, а то через... - он посмотрел на часы, - полчаса, ты понадобишься.

Он бросил пакеты на кровать и вышел.

Я подошла, вытрусил содержимое... стою, смотрю, глазам не верю.

Что это ублюдки придумали? Черт. Что за ерунда?

На кровати лежит белое платье. Кружевное, с какими-то фатиновыми вставками и струящейся юбкой. Явно будет до самого пола. Платье похоже на... свадебное.

- Что за фигня, - недовольно скривилась я.

В другом пакете бельё и чулки, в третьем, белые туфли на каблуках.

- Что за бред? - говорю, рассматривая всё это, - а где нормальная одежда?

Неосознанно, пугливо глянула на часы. Этот сказал через полчаса. Придётся одеваться. Чтобы эти ублюдки сами не пришли меня одевать.

Натянула трусы. Интересно, кто их выбирал. Явно кто-то из них по своему вкусу, я такие дырявые не ношу. Какие-то ленточки кружавчики. Лифчик такой, что вся моя грудь сейчас выскочит наружу. Надеваю и ругаюсь.

- Черт. Вот идиоты.

Начала надевать чулки, неудобно. Вспомнила, как в кино кто-то надевал, прихватила пальцами начала натягивать.

- Тоже мне придумали ещё чулки. Зачем они вообще нуж-

ны? Зачем это всё нужно?

Померила туфли. На каблуках я хожу хорошо, туфли оказались в самый раз. Встала, потопталась, посмотрела. Оглянулась в поисках зеркала.

Стук в дверь прервал рассматривание собственных ног.

Так нет бы, постучал, а он сразу дверь открывает и входит.

- Нет, нельзя! - схватила я пакет, прикрылась.

Входит Барон. Окинул меня быстрым взглядом.

- Надевай платье, пошли, – приказал ледяным тоном.

- Куда?

- Не задавай вопросов, просто надевай платье.

- Так отвернись.

- Я хочу смотреть.

Секундное замешательство, а потом я откинула пакет и встала перед ним в белье, чулках и туфлях.

- Смотри, - говорю, думала смутится.

Но нет. Стоит, спокойно рассматривает.

- Надевай платье.

Я повернулась, склонилась над кроватью, потом поняла, что повернулась к нему задницей. Быстро выпрямилась, зашла с другой стороны, потянулась за платьем. Но и так получилось слишком откровенно. Схватила за ткань и начала натягивать на себя всё это кружево.

Барон ни разу не отвел взгляд. Всё это время он наблюдал за моими действиями.

Наконец платье на мне. Пытаюсь застегнуть молнию сза-

ди. Ничего не получается.

Барон сдвинулся с места, подошёл. Повернул меня к себе задом, взялся за волосы, скрутил, осторожно положил их на моё плечо и медленно застегнул молнию. Потом снова взялся за волосы, расправил.

Я стою, не двигаюсь. Боюсь пошевелиться. Одним движением он повернул меня к себе. И я невольно посмотрела в его глаза. Так близко - опасно для меня. Смотрю в его лицо и понимаю, что не могу его ненавидеть, просто не могу.

Эти черты, за время пока я готовила его убийство, стали родными. Помню, как смотрела на его фото в интернете и заставляла себя ненавидеть, потому что точно знала, что это убийца моих родителей.

А теперь, когда он сказал, что не убивал, словно гора с плеч спала. Моя устойчивая вера пошатнулась, и ненависть разбилась об острые камни.

Когда не вижу его – ненавижу, а когда вижу...

- Пошли, - он дернул меня за руку и я практически побежала за ним.

Крепко сжав её руку, Давид потянул Тину за собой.

- Ай, мне больно, отпусти! – возмущённо упиралась она.

Давид не мог отпустить. Только не сейчас, когда в голове чёткая цель, ничто не должно ей помешать.

Пролёт лестницы, несколько мраморных ступеней. Тина упирается, но идёт увлекаемая в неизбежное.

Спустились в гостиную. Там уже ждут несколько человек.

- Добрый день, - кивнул, мужчина, с папкой в руках.

Не отвечая, Давид подошел и подтянул Тину, поставил рядом с собой.

- Начинайте. Только коротко, - проговорил тоном, не терпящим возражений.

- Хорошо, как скажете, - кивнул мужчина и открыл красную папку.

- Согласны ли вы Тина Савельевна взять в законные мужья Давида Муратовича, любить и почитать его в добром здравии и в болезни, в радости и в печали...

- Что? Вы что! – выкрикнула Тина и Барон почувствовал, как дернулась её рука, вырвалась из его захвата.

Тина отошла назад.

Не оборачиваясь, Давид сказал:

- Продолжайте.

- Нет, я ни согласна, ни согласна! - закричала Тина и стук каблуков по мраморному полу гулко разнёсся по гостиной.

- Верните её, - не оборачиваясь поднял руку Давид.

Двое бросились за Тиной и уже через пару минут, с заклеенным скотчем ртом, тащили обратно.

- Я не хочу, отпустите, отстаньте! Не буду я его женой! Это незаконно!

Давид не двигается, он просто стоит и ждёт, когда её снова

поставят рядом.

Он не смотрит на её лицо. От неё уже ничего не зависит. Придётся смириться с судьбой. Тина Потоцкая принадлежит ему. Ничто это не изменит. Ничто.

- Продолжайте, - сказал он спокойно, когда упирающаяся Тина встала рядом удерживаемая двумя бойцами.

- Согласны ли вы Тина Савельевна взять...

- Не надо повторять - она согласна, - перебил Давид.

- Хорошо. Согласны ли вы Давид Муратович взять в законные жены Тину Савельевну Потоцкую, любить и почитать её...

- Покороче.

- Объявляю вас мужем и женой. Жених может поцеловать невесту.

Давид повернулся, посмотрел в её лицо. На рот заклеенный скотчем, на глаза в слезах, на спутанные тёмные волосы, на белое кружево платья.

- Поцелую потом, - повернулся снова к мужчине, - давайте, где нужно расписаться.

Взял ручку и размашисто расчеркнул подпись.

Подвели Тину, вложили ей в руку ручку, и направили на лист бумаги. Несколько секунд Тина упиралась, а потом перестала. И... подписала.

Подписала!

Больше ничего и нужно. Если так сильно не хотела, не подписала бы. Поставив подпись, лично дала согласие на

брак. Несмотря на слёзы и скотч - она согласилась.
Теперь она - его законная жена.

Не верю! Нет, не верю!

Собственной рукой поставила подпись. Как я могла?

Стеклянный взгляд мой замер. Не понимаю и не чувствую куда меня ведут. Один из парней дернул скотч с моих губ. От этого рывка я содрогнулась и резко поняла что наделала. Сама!

Не хотела, не желала. Ненавидела. А подписала.

Смалодушничала, побоялась.

Чего?

Что он может мне сделать? Неужели я так боюсь его? Что это значит?

Почему я иду, а не упаду, не начну выдираться из рук охранников. Почему не закачу истерику? Не начну кричать и плакать, бить их ногами. Почему не царапаю их глаза?

Боюсь? Чего? Что они мне могут сделать?

Ещё вчера я пришла к ним, не боясь смерти, готовая к ней, а сегодня дрожу и подчиняюсь - почему?

Сгорела. Неужели моя ненависть сгорела дотла?

Вошли в большую комнату, похоже столовая. Стол накрыт. Люди в черных костюмах в честь дня моей свадьбы сели за стол. Меня подвели к центру стола. Повернули и по-

садили на стул. Не села - упала. Смотрю на эту картину, как будто издалека вижу себя и этих людей.

Барон сел рядом посмотрел на меня равнодушным взглядом. Протянул руку, взял хрусталей графин, стоящий перед нами на столе. Налил в бокал янтарной жидкости и подал мне.

- Выпей, полегчает.

Я обхватила ладонью бокал, как будто действительно захотелось верить, в нём – спасение. Поднесла к губам и залпом выпила обжигающий губы напиток.

В этот момент все смотрят на меня, будто ждут, что будет дальше. Остановились в ожидании. Думают, я вскочу как умалишенная и забегая или начну кричать.

Не дождутся. Цирка не будет.

Пару секунд все наблюдают за мной, а потом Барон сказал:

- Ну что, покушаем в честь моей женитьбы. Это - первая и надеюсь последняя, - он усмехнулся.

Это - моя свадьба?

Смотрю на довольные лица странных мужчин, стараюсь не вникать в их разговоры. Я словно в раковине, из которой смотрю на происходящее и никак не принимаю в нём участие.

А им как будто и не мешает моё отсутствующее выражение лица. Они едят, пьют, радуются чему-то, матерятся и курят. И чем больше проходит времени, тем больше я проникаюсь этой странной пугающей атмосферой. Разговоры со-

всем не касающиеся события. Обычный обед с выпивкой. Не более того.

Барон рядом со мной совершенно не смущён моим заледенелым видом. Ест, пьёт. Разговаривает спокойным тоном, слегка высокомерным. Сразу понятно, говорит главный. Некоторые обрывки его фраз впечатываются в моё сознание, вкладывают в него чёрный смысл.

- ... Нам от них нужно только одно, чтобы они убрали свои вонючие руки от этого завода. Он будет наш уже в четверг. Я сказал. Не захотят принять наше предложение пойдут рыб кормить...

- ... Это реально левая тема, нужно её закрыть по-быстро-му, только тихо...

- ... собери бойцов, завтра разберись с этим...

Слушаю и понимаю как просто, не напрягаясь, прямо за обеденным столом вершатся чьи-то судьбы, как ставятся кресты на чьих-то жизнях, в перерывах между одной рюмкой и другой.

Тот напиток заставил мой взгляд помутиться, а внутренности требовать чего-то ещё. Страшно хочется есть. Выкручивает. Передо мной куча еды, тошнит от голода, но я не могу притронуться ни к чему.

Не могу расписаться окончательно в том, что я праздную вместе с ними. Не могу протянуть руку и взять кусок хлеба, чтобы утолить двухдневный голод.

Но я держусь. Сколько ещё, не знаю.

А они как издеваются, жрут и смеются. Это такое испытание.

Пытка. Уйти не могу - не выпустят. Должна сидеть и смотреть, как они едят.

Самое страшное и непонятное, что не смотря на всю злость, которая живёт у меня внутри, на неприятие ситуации, я сижу и чувствую себя защищённой.словно рядом со мной великан, который убьёт каждого, кто дотронется до меня. Разорвёт на мелкие куски, стоит кому-то попытаться отобрать меня у него. Как будто раньше я шла в одиночестве, подверженная буйству любой стихии, а сейчас меня укрыли, забрали из одинокого прозябания, чтобы защитить от всего и всех. Вот что я чувствую.

И этому должна сопротивляться.

Спустя пару часов не меньше, когда их рожи уже начали краснеть и ворота рубашек начали расстёгиваться, один из них посмотрел на меня, поднял рюмку и сказал:

- Ну что, целоваться будем? Может уже - горько?

Все кто был за столом начали повторять - Горько! Горько!
И поднимать рюмки.

Вот сейчас, самый тот момент, когда я ещё могу что-то сделать, показать. Когда могу взбунтоваться и сказать хоть что-то.

Кто-то взял меня под руку, заставил встать, обхватил за талию, схватил моё лицо, повернул к себе и я снова увидела лицо Барона. На мгновение мне показалось, что он пришел

спасать меня от этих людей, но его тяжелый, черный взгляд заставил вспомнить ненависть к нему.

Но вспомнила поздно, потому что он приблизился, прижал меня к себе и прижался губами к моим губам.

Я словно проснулась в этот момент, задергалась, уперлась ладонями в его грудь, но момент был упущен. Барон сковал меня, схватился пальцами за подбородок, сдавил так, что я не могла вырваться из этого мощного захвата.

В следующее мгновение его язык властно проник мне в рот.

Её безучастные губы, не то чего ему хотелось. Оно и понятно, она не может вот так взять и по щелчку захотеть его пьяного поцелуя.

Оттолкнул. Тина снова села на стул. Словно кукла-марионетка, которая болтается куда дернут. Он встал над ней. Ни одна черточка не дрогнула у неё на лице. Ни страха, ни паники, одно сплошное ледяное равнодушие.

- Давай-ка, пошли, я тебя раскачаю немного, а то что-то совсем потухла.

Сознание залитое виски, обостренное чувствами и тело желающее быстрой жертвы. В глазах Давида тупая похоть, разбавленная и перепутанная мыслями. В голове много чего, но всем руководит обыкновенное примитивное желание

трахнуть ту, что сидит сейчас рядом.

- Удачи Барон! - выкрикнул кто-то из-за стола.
- Вдуй ей!
- Походу брачная ночь у вас!
- От....би чтоб визжала!

Давид пьяно ухмыльнулся и снова подхватил Тину под руку, стиснул в тугую и потащил за собой. Она не сопротивлялась, поспешно шла за ним.

Тёмный коридор как дорога туда, куда Тина послала Давида, когда нажала курок. Ну что же, сейчас узнает сама, как это - быть в аду. Он доставит ей такое удовольствие. Сейчас он припомнит ей всё, покушение, годы тоски, бездушия. Ночи в объятьях шлюх. Ничего что виновата её мать, пусть страдает дочь.

Втолкнул в свою спальню.

- Давай-ка детка, сама разденься, - ещё раз толкнул к кровати.

Она встала не смотрит, сжалась, обхватила себя руками.

- Ну что, будем вы....тс? Снимай платье, ложись и раздвигай ноги - муж пришел.

Тина не шелохнётся. Тогда он подошел, положил руки ей на плечи. Секунду сквозь запах алкоголя он почувствовал аромат девушки. В штанах моментально отреагировал член. Давид стиснул руки Тины, резко повернул её к себе задом и толкнул на кровать. Задрал белую юбку свадебного платья, рванул кружевные трусы и обхватив ягодицы жесткими

пальцами, натянул на себя бедра Тины.

Она вскрикнула, попыталась отстраниться, но прижатая к кровати с одной стороны, а к Давиду с другой, потеряла равновесие и практически сама расставила ноги. В тот же момент властная ладонь Давида обхватила волосы, сжала их в кулак и толкнув голову, с силой придавила к кровати, не давая сдвинуться с места.

- Ты думала я буду нежным, после того что ты со мной сделала? Думала, женился, значит простил? Не дождёшься. Теперь я превращу твою жизнь в ад.

Несколько быстрых движений и член его уперся в её промежность.

- Блять, действительно целка, - дернул на себя, - хорошо, что сберегла её для меня. Я это оценил.

Тина вскрикнула, схватилась за простынь, потянула и всхлипнула.

- Замужество детка, это тебе не поцелуи при луне.

Быстрыми короткими рывками он протиснулся до отказа и начал трахать её безучастно, как трахают шлюху, просто, чтобы снять напряжение.

Редкие всхлипы даже нравятся. Пусть она сразу, с первого дня поймет, что романтики не будет. Он не знает что такое романтика. Только пустой, ничего не означающий трах. Чётко, быстро, без лишних соплей.

- Сука! – выкрикнул он в пустоту и кончил.

Оттолкнул бедра Тины, она упала на кровать и скрючи-

лась перед ним. Краем платья оттер член и запихнул обратно. Застегнул брюки и пошел к двери.

Что-то вспомнил, вернулся.

- Когда я буду входить в эту комнату, ты должна ложиться и раздвигать ноги как можно шире, поняла. Либо становится на колени, чтобы сразу облизывать мой член. Ещё можешь становиться на карачки и подставлять свою жопу. Что-то такое детка, - склонился над ней, взял за волосы, приподнял голову и заглянул в глаза.

Лицо мокрое от слёз. Тело её вздрагивает и затихает. Тина скосила на него не моргающий, полный ненависти взгляд. Такой же темный, как и взгляд её матери много лет назад.

Давид оскалился. Потянул на себя голову Тины и впился в её губы жадным, глубоким поцелуем. Заставляя её выгнуть-ся и с силой упереться ладонями ему в грудь. Она отталки-вает, а он тянет, мощным захватом удерживая её затылок. А когда этот голодный поцелуй был окончен, Давид оттолкнул Тину и она снова свалилась на кровать.

Пошел к двери. Не оборачиваясь, проговорил:

- Мы с тобой теперь вместе, детка. Повязаны. Тут - наш ад. Запомни.

Дверь захлопнулась.

- Обойдёшься, - проговорила она, когда шаги его затихли.

Когда-то я была в него влюблена. Мне было пятнадцать лет.

Тогда я часто сидела на пожарной лестнице с телефоном или книгой и видела, как Барон приезжает в наш двор на своей огромной черной машине. Сквозь решётку пожарной лестницы я смотрела на него и мечтала о нём.

Черный, опасный, злой. Вот такие мне нравятся мужчины как Барон. С замиранием сердца смотрела, как он выходит из машины, идет к двери подъезда.

Он приезжал к соседке Ленке, что жила напротив. Она конечно очень красивая. И шмотки покупала дорогие. Она лет на десять меня старше, но я часто заходила к ней посмотреть, как красиво она живёт.

Он приезжал к ней. Они занимались любовью. И ничего что в открытое окно было слышно, как она стонала словно раненая гиена. И ничего, что потом смеялась и радовалась, рассказывая, как он её любит.

А я страшно завидовала. Одевалась поярче, чтобы он заметил и меня. Единственное чего я тогда хотела, чтобы когда-нибудь он обратил на меня внимание. Полюбил так же сильно, как я его люблю.

Но он меня не замечал. Никогда не поднимал головы, чтобы посмотреть на меня. И это злило, страшно злило.

Однажды Ленка много выпила и громко выла, так что весь двор слышал. Никогда я не видела её такой несчастной. Она сказала, что Барон бросил её, ради какой-то другой шлюхи. Ленка много материлась и рассказывала, а я слушала, потому что она рассказывала про него. Мне было всё равно плохое она говорит или хорошее. Главное, что про него.

Но в какой-то момент она сказала:

- А ты знаешь, сколько людей он убил? Не знаешь. Ты хоть знаешь, что это он Поточу убил и Лизка была с ним. Ты это знаешь?

Она говорила просто так, спьяну, но я слушала уже по-другому.

Для меня тогда открылось слово - месть.

Странный коктейль из любви, ненависти и желания отомстить.

Тогда я жила в приёмной семье. Приёмные родители хорошие люди. Не хотелось огорчать их хоть в чём-то. Но тогда же я решила, что теперь буду жить лишь для того, чтобы отомстить. Желание это острым ножом разрезало мою любовь к Барону. Она не закончилась, а спряталась куда-то вглубь сердца и только изредка, во снах напоминала о себе.

Раздавленная и униженная я лежу на кровати. Чувствую как перекрыло горло от того что рвётся наружу. Держусь. Не

стану рыдать, не стану биться и падать. Слезы это - пыль. Ничего не значат. Стёр и забыл.

Гораздо важнее другое, затаившаяся ненависть, которую я держала в себе столько времени, была неясной и иллюзорной, а сейчас приобрела ясные очертания.

Теперь я точно знаю, кого ненавижу и почему. Даже несмотря на то, что в эти минуты примешивалось к моим чувствам что-то ещё, неподвластное уму, а понятное только телу, это не меняет моих планов. Цель не достигнута, а значит она остаётся.

Имя ей - Давид Ольшанский.

Главарь этой стайки шакалов.

Я пришла его убить, но не смогла. Потом, своими словами он посеял во мне крупицу сомнения. А теперь точно знаю, мне всё равно, убивал он родителей или не убивал, он – зло, которое нужно искоренить из этого мира. Без него мир станет только лучше.

Лежу сжав кулаки, концентрируя в себе эту тяжелую, давящую энергию ненависти.

Слышу голоса, мерзкий смех бандитов и хочу уничтожить их всех, одного за другим. Тихо, незаметно. Чтобы каждый из них удивлённо смотрел мне в глаза, когда будет умирать от ножа, вставленного в его черное сердце.

А Барон должен понять, нельзя унижать людей. Всё возвращается.

До слуха донесся гул отодвигаемых стульев. В один мо-

мент что-то зашумело. Произошла суета, гул басистых голо-
сов. За окном зарычали моторы сразу нескольких машин.

Что это значит?

Уезжают.

Если все уйдут, нужно попытаться сбежать отсюда.

Я быстро села на кровати, прислушалась. Отерла ладонью
всё ещё капающие слёзы. Только решилась встать и пойти к
окну, как стук в дверь остановил моё движение.

Дверь открылась, на пороге девушка с подносом. Запах
еды ворвался в комнату и заставил отказаться от всего, что
я надумала. Хочу есть, страшно хочу.

- Привет, я - Соня, - сказала девушка, подошла к кровати
и поставила передо мной поднос.

Она села напротив, и я смогла её рассмотреть. На вид лет
двадцать семь. До тридцати. Лицо доброе, симпатичное, но
слегка помятое, как будто усталое. Светлые волосы, тонкие,
прямые, связаны в пучок. Почти нет макияжа, только ресни-
цы подкрашены и немного выделяются. Одежда - футболка
и джинсы, ещё небольшой, белый фартук на талии.

- Ты совсем молоденькая. Сколько тебе лет? - посмотрела
она на меня добрым взглядом.

- Девятнадцать.

- О боже, - взгляд её бегал по моему лицу.

Она протянула руку и поправила мои волосы.

- Они что уехали? - спросила я, взяла вилку и наколола
кусочек курицы в соусе.

- Да, что-то случилось. Такое часто бывает, они сидят, пьют, едят, потом вскакивают и уезжают, - ответила Соня.

- Помоги мне отсюда выбраться? – смотрю исподлобья, понимаю, что прошу невозможного, ну а вдруг.

- Нет, не проси, я не хочу, чтобы меня потом закопали.

С пищей пришла и надежда на спасение. Мысли начали крутиться вокруг желания сбежать. Не думаю, что это будет очень трудно.

- Ну хорошо, скажи хотя бы как отсюда выбраться? – не унимаюсь.

- Не могу, лучше не спрашивай.

Ладно, не хочет помогать не надо. Сама справлюсь и не буду никого посвящать в свои планы.

Наколола салат, взяла кусок ветчины, потянулась за картошкой.

- Не торопись, успеешь, я же не забираю.

- Ты кто тут - служанка? – спросила я.

- Вроде того, горничная. Мой муж тут работает.

- Он тоже из этих? – я показала головой в сторону двери.

- Нет, он работник по дому, по двору. А садовник - мой отец.

- Надо же, прямо вся семья тут. А тебе не страшно работать на Барона? Когда-нибудь его придут убивать.

- Он хорошо платит, надеюсь, пронесёт. Барон помог моему отцу не попасть в тюрьму, поэтому мы верны ему. Я держусь за эту работу, такие деньги не везде можно заработать.

Поэтому я не стану тебе помогать. В доме, по хозяйству, проси что хочешь, ты ведь его жена, а сбежать не проси.

Я молча жую и понимаю хоть и отказалась, но в ней я почувствовала что-то такое, отчего стало немного теплее на душе. Она сопереживает и это уже хорошо. Хоть один человек во всём мире сопереживает мне.

О планах побега лучше никому не рассказывать. Действительно из-за меня могут пострадать невинные люди. Сама разберусь. Нужно только подождать удобного момента.

- Можно у тебя попросить какую-нибудь одежду? Не могу быть в этом платье, оно меня раздражает.

Я дернула юбку и мы обе уставились на кровавое пятно на белой ткани.

- Конечно, сейчас принесу, - Соня встала, повернулась, хотела идти, потом остановилась, - Ты не думай, Барон не плохой человек, он просто несчастный.

- Он – убийца, - проговорила я, пережевывая хлеб.

- Никто не знает, почему он стал таким, но он не конечный. Поверь мне.

Она вышла, а я сижу и торопливо ем, словно боясь, что всё это заберут.

Через несколько минут Соня вернулась.

- Вот пижама и халат. Остальное завтра парни привезут.

- Они что пойдут покупать мне одежду?

- Скорее всего.

- Слушай, а если я раздобуду денег, ты pomoжешь мне от-

сюда уйти? – снова не удержалась я.

- Нет, - покачала головой Соня, повернулась и пошла к двери, - спокойной ночи, - сказала и осторожно прикрыла дверь.

Звонок закончил пьяные разговоры и глотание виски.

- Люди Сявы попытались убрать наших дилеров, - четко проговорил Крест глядя в глаза Барону и все резко встали из-за стола.

- О-па, я ещё не умер, а они уже пасти разинули, - ухмыльнулся Давид.

Натянул пиджак, снятый после возвращения из спальни. Оправил ремень кобуры, пощупал рукоятку ствола и быстро застегнул пуговицы пиджака.

- Пора дать понять этому ушлёпку - не туда он суёт пальцы. А лучше сразу эти пальцы, отрезать, - проговорил Лёха.

- По машинам, - кивнул Барон.

Темной толпой, как стая воронов парни быстро погрузились в тачки, взревели моторы, авто один за другим выехали со двора.

Барон в броневикуе, на заднем, рядом Лёха. За рулём Вадим и Цезарь на переднем.

- Ну что девчонка сочная? – повернулся и пьяно улыбнулся Цезарь.

- Захлопни пасть, не твоё собачье дело, - проговорил Барон.

Бандит сразу понял, шутки кончились, тема не зашла.

Да, сейчас эта тема сильно беспокоит. Давид смотрит на дорогу, сосредоточенно сердито, а перед глазами круглая, белая задница этой меленькой сучки. Её волосы, всхлипы. Непокорный взгляд пронзающий душу и белое платье. Будет трудно усмирить эту маленькую дрянь, но он это сделает. Не таких обламывали.

Сжал челюсть, носом втянул посильнее и скинул из мозгов то, что сейчас произошло.

Нажал кнопку рации.

- Действуем как обычно. В два этапа.

- Принято, - проговорили в ответ.

- Смотрите в оба. Покажем уродам зубы.

Остановились у бетонной эстакады. Сетчатые ворота открыты. Несколько вагончиков возле стройки. В одном из них заседают шустрые конкуренты, которые решили, что власть довольно шатка и можно начать делить территории.

- Что за х...ня, чё это они в такой дыре засели? Опасно тут, - осмотрелся Лёха.

- Типа умнее всех, - повернулся Вадим.

Все дёрнулись за стволами, только Барон словно отсутствовал, сидел и смотрел в пустоту, сквозь переднее стекло.

- Ну что идем? - глянул на него Вадим.

- Уйдут, Барон, наверняка уже слышали и бабки прячут.

- Идём, - выдохнул Давид, двери машины резко открылись.

Из мерса тоже вышли бойцы.

Лёха и Вадим встали, прикрывая Барона, остальные пошли смотреть в вагончиках.

Гром задвигаемых засовов заставил обернуться.

- Засада! - крикнул Цезарь и все быстро спрятались за машины.

Автоматная очередь пробежалась по броневику. Пули жёстко отскакивают словно мячики, оставляя на кузове всего лишь царапины. На мерсе стайка входных отверстий.

- Ну что схавали, ублюдки! – кричит кто-то из темноты.

- Что за мать твою! – Лёха пытается выглянуть.

- Блять, что за палево! Я пробегу справа, когда он будет перезаряжать, - обернулся Вадим.

- Сиди тихо, - остановил его Давид, глядя как из-за мерса показалась рука.

Крест выглянул, автоматная очередь возобновилась.

Одиночные выстрелы из-за мерса не меняют картину. Давид высунулся и тут же пробежала картечь.

- Черт, у них там ещё и дробь. Что за идиот там сидит?

- Камикадзы, блять! – выкрикнул Вадим и полез под броневик.

Сквозь тонировку стёкол невозможно ничего рассмотреть. Приходится быстро выглядывать, чтобы оценить обстановку и понять точно откуда стреляют.

Автомат затих. Давид кинулся к вагончику который ближе. Если его обойти можно попасть в тыл стреляющему. Пока бежал, автомат снова затянул свою песню. Кто-то вскрикнул. Давид сжал в ладони рукоятку пистолета и медленно выглянул из-за угла. Стрелка увидел сразу и второго, который прячется рядом с ним. Оба лежат на груде металлолома и отлично защищены от выстрелов. А у самих отличный обзор на площадку перед вагончиками.

Нужно прицелиться и попасть с первого раза. Сначала в стрелка с автоматом, потом в другого с ружьём. Краем глаза оценил угол. Придется рывком выйти и сразу спрятаться.

Встал, вздохнул несколько раз и выскочил. Вытянул руку с пистолетом, подпер другой ладонью, прицелился и нажал на курок.

Стрелок дернулся и опал, второй схватил автомат, но не успел повернуться, Давид выстрелил ещё раз. Сразу сверху появился Крест.

- Нихрена, они тут окопались.

- Кто-то их предупредил, - подошел Лёха, нагнулся, порылся в карманах стрелка, достал телефон. Пощёлкал и сразу повернул экраном к Давиду.

- Сява, блять!

- Оборзевший однако. Что это он решил под себя дело подмять, волк позорный! Зубами подавится.

- Ну, от этого можно было ожидать. Он же себя новым бугром видит. Только непонятно почему двух задохликов оста-

вили? Что-то не нравится мне всё это, не может быть, чтобы два дегенерата с одним калашом поджидали нас тут.

В этот момент послышался грохот и с каждого вагончика стали выходить вооруженные люди. Со всех сторон они обходили Давида, Лёху и Креста.

- Ого, кажется, мы пришли как раз вовремя, - проговорил Давид и понял что они сейчас почти в полной жопе... но только почти.

- Так, так, так, кто тут у нас, - вышел вперёд человек похожий... да не похожий, это и есть Сява, - какие люди пожаловали в нашу дыру.

- А, Сява, - Давид спустился с груды металлолома и остановился напротив крепкого человека с неприятным лицом.

Тот стоял, засунув руки в карманы пиджака. Там у него явно по стволу.

- Вот и встретились Давид, надеюсь, эта наша встреча будет последней.

- А что так, уезжаешь? – криво усмехнулся Давид.

- Я нет, а вот ты, - улыбнулся Сява, уверенной, мерзкой улыбкой.

- Куда мне, я тут уже обосновался. Женился вот сегодня. Тут - мой дом.

- Женился? - даже засмеялся Сява, - на дуре, которая тебя пулю всадила? Я слышал, что у тебя не всё в порядке с головой, но чтобы до такой степени. Я-то думал ты садист, а получается мазо...

- Прикрой рот - воняет, - медленно сказал Давид, прожигая черным взглядом лицо конкурента. Мелкую сошку, которая тужится стать крупной.

- О как, пока никто не жаловался, а тебе видишь, воняет. А ты не нюхай, - сделал Сява шаг на Давида, теперь между ними всего один шаг.

В руке Давида пистолет у Лёхи и Вадима тоже, но на них наставлено как минимум пять автоматов и несколько стволов. С кем бороться? Такая битва сто процентов будет проиграна, если только не вмешательство свыше.

Это относительно теперешнего положения.

Так было бы, если бы это был первый и заключительный этап. Но у Давида обычно бывает ещё второй, а иногда и третий.

- Бросай волюну и обещаю, убью без мучений, - говорит Сява, снова криво улыбаясь.

- Я что похож на идиота? Лучше скажи своим бойцам, пусть положат оружие на землю. Тогда умрёшь только ты, а они могут перейти в моё распоряжение. Обещаю каждому зарплату пять косых! – сказал так, чтобы все слышали, - Ты же наверное, столько не платишь, - улыбнулся Давид слишком самоуверенно и улыбка Сявы начала дергаться.

- У нас и так будет хорошая зарплата, когда ты исчезнешь.

- Не люблю, когда кто-то пытается трахнуть меня в зад, я сам кого хочешь могу трахнуть, - сурово проговорил Давид.

- Ну, твои предпочтения мне не интересны. Я не пидор,

в отличие от...

- А зря, если бы они были тебе интересны, сейчас ты не стоял бы передо мной в таком невыгодном положении. Сейчас, Сява, считай ты стоишь ко мне жопой, а я собираюсь тебя трахнуть, - нехорошо улыбнулся Давид.

- Короче, вижу, ты не въезжаешь, от слова совсем, повторяю вопрос...

- Спрашиваю последний раз, - перебил его Давид, - кто хочет остаться в живых и перейти ко мне, бросай автомат на землю!

Все стоят, не двигаются.

Сява довольный, покачал головой.

- Не сегодня, Барон.

- Хорошо, вы сами сделали свой выбор.

Он положил пистолет на ладонь и начал протягивать Сяве, и когда тот поверил жесту, доверчиво вытащил из кармана руку и протянул, чтобы взять ствол, Давид поднял руку и махнул.

Со всех сторон из темноты показались его бойцы. Прогрел первый выстрел. А потом за несколько секунд ещё выстрелы и все люди Сявы упали на землю.

Он сам испуганно обернулся и удивлённо осмотрелся.

- Ну что, - Давид глянул исподлобья, - прощай. А могли быть партнёрами.

Ещё один выстрел закончил всё.

Сява схватился за живот. В глазах удивление, потом жа-

лостливое выражение и наконец, выражение боли... дальше Давид уже не смотрел.

Дорога назад под радостное гоготание парней даже порадовала.

Давно выветрился алкоголь. Звуки ударяющихся об машину пуль его быстро разгоняют.

Снова, какая-то сила оставила невредимым. Раз за разом происходит такое и Давид начинает верить, что неуязвим.

Сяве сегодня не повезло.

Когда-то придет конец и Давида. Такие встречи всегда непредсказуемы, никогда не знаешь, чей выстрел окажется последним.

Давид не привык скрываться за спинами парней. Все в одной упряжке. Ему нравится пощекотать себе нервы, почувствовать пьянящий взрыв адреналина в крови. Не зря же дрессирует парней на ринге и спаррингах. Не зря устраивает забеги и марш-броски. Если люди в твоей команде слабые, то и команда не может быть лидером. Одними стволами тут не возьмёшь. Нужно ещё уметь убивать руками.

Сила, выносливость, ум – три составляющих, без которых за дело лучше не браться. У него они есть. Поэтому он лидер, а не кто-то другой.

Поэтому и стоит группировка Давида Олышанского по прозвищу „черный Барон,.. Столько лет держит в руках город и окрестности. Поэтому и конкуренты боятся поднимать

ГОЛОВЫ СЛИШКОМ ВЫСОКО.

- Неплохо поработали парни, - сказал Давид, когда машина остановилась во дворе, - Сейчас всем спасть. Завтра трудный день.

Вошли в дом. Пацаны направо, Давид на второй этаж.

Медленно подошел к спальне, остановился, прислушался. Тишина. Приоткрыл дверь, заглянул. В комнате только один тусклый ночник освещает кровать.

Давид вошёл. Медленно, почти не дыша, подошёл к кровати.

Тина в пижаме с сердечками. Спит. Как будто в своей девичьей постели, не знающей ничего кроме этих сердечек и котиков.

Давид смотрит усталым с поволокой взглядом. Захотелось чего-то не присущего. Нежности что ли. Он практически не знает что это. А сейчас будто вспомнил, что когда-то знал.

Подошел, встал над кроватью.

Раньше не замечал как уютно в этой постели. Когда приходил сюда и просто падал в неё. Всегда один.

В этой постели не было ни одной женщины, и вот, тут лежит она, Тина - дочь Лизы.

Первая девушка в его кровати - его жена.

Сегодня он уже показал ей свой нелегкий нрав.

Глаза слипаются, хочется спасть. За окном сумрачная рябь рассвета. Нужно бы лечь. Упасть и заснуть мертвецким

сном, а он стоит и смотрит на спящую девчонку.

Расстегнул пиджак, откинул на стул. Снял кобуру, осмотрелся, куда положить, чтобы Тина не увидела, когда проснется. Повесил тоже на стул, под пиджак. Стул осторожно придвинул кровати.

Потом тихо, не раздеваясь, чтобы не потревожить лег, и повернулся к Тине.

Она даже не пошевелилась, все так же спит. Сегодня у неё тоже был нелёгкий день.

Утро пробирается в комнату.

Веки тяжелеют. Давид лежит и всё ещё смотрит в лицо Тины.

Это ее час назад он трахал и обещал все круги ада, а теперь рассматривает её лицо по крупичам. Выискивает хоть что-нибудь, чтобы не дать себе расслабиться и не начать просто любить её, обычной человеческой любовью.

Только что он убил человека, а теперь лежит в теплой кровати и смотрит на спящую жену. Он спокоен. Необычно. Слишком хорошо.

Ее тихое дыхание отдает домом, уютом, теплом. Он забыл, что это. Давно забыл.

Розовые губы Тины шевельнулось, она улыбнулась во сне и позвала:

- Давид...

Утро ворвалось в открытое окно солнечными лучами и пением птиц. Они спорили о чем-то, заливаясь трелями, то ли кто лучше споёт, или что ещё, но от птичьей метушни за окном я открыла глаза, сладко потянулась и не сразу вспомнила, что было вчера.

Страшный день закончился, начался новый, светлый, солнечный. Что он принесёт?

- Уже встала? - дверь открылась, вошла Соня.

Я села на кровати и улыбнулась.

- Как спалось?

- Хорошо. Мне показалось, ночью все вернулись, Давид тоже вернулся?

Зачем я об этом спросила, загадка даже для меня. Не знаю чего хочу больше, чтобы он вернулся или нет.

- Да, сейчас завтракают, если хочешь, спускайся, - она села на край кровати.

- Нет, я туда не пойду, - я испуганно прикрылась одеялом.

- Могу принести тебе завтрак сюда.

- А когда они уйдут?

- Не знаю. Там всегда кто-то есть, так что не жди, что они куда-то денутся. Кто уходит, кто приходит, тут никогда не бывает спокойно и тихо.

- Разве это не дом Давида?

- Поэтому тут так и шумно, потому что это дом Давида, - она смотрела на меня с непривычной для меня нежностью, словно хотела поддержать, чтобы мне не было страшно.

В дверь постучали и она сразу открылась. Похоже, тут никто не спрашивает разрешения войти, просто входят.

Вошел парень, тот, тёмный.

- Доброе утро.

В руках много пакетов он поставил всё повреди спальни, повернулся и вышел.

- Что это? – спросила я.

- Наверное одежда. Давай посмотрим.

Соня подошла, достала из одного пакета сразу несколько пар джинс. Но все они разного цвета. Черные, голубые, синие. Из другого вытрусил разноцветные кофточки блузки, рубашки, футболки. Потом пакет с платьем. Ещё платье. Несколько пакетов с бельём и домашней одеждой.

Снова стук в дверь и снова вошел этот парень и ещё куча пакетов.

Не думала, что я когда-нибудь буду так радоваться одежде. Не тому, какая она, а тому, что она вообще есть. В этот дом я пришла, вернее меня принесли, абсолютно голой. А теперь что-то можно надеть, уже веселее. И хоть я всё ещё ненавижу Барона, но ненавидеть лучше одетой.

- Смотри, какое платье, - вытянула Соня красное вечернее платье.

- Ничего себе. Смотри сколько оно стоит, - глянула я на

этикетку.

- Давай. Примерь.

- Нет, я не могу.

- Почему?

- Не знаю, это как-то... я не считаю, что это моё и не могу это принять, - я резко вспомнила про свою ненависть и начала всё запихивать обратно.

- Но в чём ты будешь ходить? – удивлённо спросила Соня.

- Заработаю и куплю себе сама. Да и есть у меня одежда в квартире, которую я снимаю. Поеду туда, я здесь не останусь, - сказала я категорично.

Глянула на Соню, а она испуганно смотрит на дверь, быстро попятилась в сторону, практически прижимаясь к стене, и я услышала голос Барона:

- Пошла отсюда.

Дверь захлопнулась. Остались только он и я.

Я не обернулась, но чувствую, он стоит позади меня. Резко вселилась смелость, я обернулась и с улыбкой сказала:

- Зря потратился, мне ничего не понравилось. Можешь отнести и отдать кому-то ещё. У тебя же есть, кому это отдать?

- Это не проблема, но тогда мне придётся убить Тиграна, за то что он купил вещи, которые тебе не нравятся.

Брови мои испуганно дрогнули. Я насупилась. Теперь так и будет, я чувствую. Во всем и всегда будут виноваты другие и он будет этим меня шантажировать, зная, что я не стану

подвергать опасности другого человека.

- Убей, - с напускной весёлостью сказала я, чтобы посмотреть, как далеко он зайдёт.

Барон повернулся, открыл дверь и крикнул:

- Тигран!

- Я пошутила, - сказала я, глядя на то, как он на полном серьёзе с лицом истукана смотрит в пустой коридор и ждет человека, который сегодня будет во всем виноват.

- Звали босс? - услышала в коридоре и испугалась собственным дурным словам.

- Иди сюда, позвал Барон. Входи.

В спальню вошел парень, что приносил пакеты, смотрит на меня тёмными глазами. Не догадывается, что сейчас будет.

- Тигран, ты купил не ту одежду. Она не понравилась моей жене. Извини, - Барон быстро вытащил пистолет и приставил к виску парня.

У того ни один мускул не дрогнул на лице.

- Простите босс, я очень старался, - он закрыл глаза в ожидании выстрела, а я просто онемела от такой глупой несправедливости.

- Нет, не стреляй! Мне нравится одежда, нравится, - повторила я. - Я буду всё это носить, обещаю. Спасибо Тигран.

Парень открыл глаза. Барон убрал пистолет от его виска.

- Иди Тигран.

Тот спокойно вышел. Барон повернулся, встал передо

мною с пистолетом в руке и смотрит. Я отвернулась, чтобы не разглядывать, а то подумает ещё, что он мне нравится.

- Не играйся со мною Тина, я убью любого, кто сделает не так, как ты хочешь.

- Лучше сразу убей себя, - подсказала я и снова глянула.

- Себя убить я не могу. Я ещё не в полной мере наслаждался нашим супружеством. Ещё не всё дорогая, - он засунул пистолет в кобуру под рукой и пошел на меня.

Приблизился вплотную, повернул меня за плечи и снова начал рассматривать моё лицо. Каждый раз, когда он это делает, мне кажется он что-то ищет, схожест или признаки того что я - не она.

Ладонь потянулась к моему лицу, я отшатнулась, но Барон был быстрее, схватил за шею и снова поставил меня на место.

- Не нужно шарахаться от меня.

- Ничего не могу с собой поделать, - сказала притворно улыбаясь.

- Тебе придётся изменить это, чтобы не злить меня.

Его взгляд прожигает. Наполняется безумием и это пугает. Ноздри подрагивают, как будто от предвкушения зверем добычи. Словно принюхивается, перед тем как начать терзать.

Пальцы сжимаются на моей шее всё сильнее. Я запрокидываю голову и открываю рот, чтобы дышать. Упираюсь ладонями в мощную грудь, давя что есть силы, но попытки слабые. Ничего не помогает.

- Отпусти, - только и смогла выдавить ему в лицо.

- Никогда.

Нависает. Лицо его приближается. Смотрю на упрямо изогнутые губы.

Выдыхаю от предвкушения поцелуя. Несмотря на давление и боль понимаю - хочу... поцелуя хочу.

Давно он такого не помнит. Чтобы просто глядя в глаза становиться безумным внутри. Тело, укрытие для бушующих ураганов чувств. Сдержать. Как?

- Хочу тебя, - прохрипел в её намерено сжатые губы и почти дотронулся до них своими губами.

От его захвата ей пришлось приоткрыть рот, чтобы вдохнуть. Губы её чуть припухлые, почти пересохли от страха. Она касается их кончиком языка, покрывая глянцевой влагой, которую хочется тут же слизать.

Давид замирает от надвигающегося предвкушения. Кожей ощущает, как просыпается внутри чувство, заполняющее вены. Острое. Горячее. Дикое. Вернее одичавшее. Ждавшее своего часа. Много лет.

От страха в глазах Тины, от дрожи в её пальцах, от сухости её губ, от волос, зацепившихся за ресницу, но больше... от маленьких розовых сердечек на майке, в груди у него вспыхнуло и покатилося по телу факелом.

Утром он ушёл, не смог тронуть, но сейчас уже нет сил отказаться. Она в его руках. Близко. Вся его. Дрожит. Трепещет.

Возбуждает этот трепет. Страх возбуждает. Она испуганна и он хочет ещё сильнее. Вот они моменты, когда смелость её вдруг куда-то девается и выпускает на свободу молчаливую, испуганную покорность. Она молчит и ждёт, а он это чувствует. Обонянием, кожей, пальцами. Её молчаливое ожидание и... желание.

Пытается показать, что сильная, но взгляд из-под черных ресниц выдаёт её с головой. Сопротивляется, но хочет. Хочет.

Давид притягивает к себе, давит в затылок. Жадно накрывает губы Тины своими. Властно раздвигает её губы языком. Проникает в рот. Целует жестко с нажимом, с захватом из которого не вырваться. Но она и не пытается. Обездвижена. Слабые попытки упереться, пресекаются стальным захватом пальцев, стиснутых на шее.

Отпустил затылок, обхватил рукой стройное тело. Придавил к себе. Отпустил губы, жадно впился в шею, в плечо, и остановился.

Сейчас бы ощутить на плечах её руки. Чтобы потянули в кровать. Чтобы сама подалась, захотела... но нет, ничего. Она ещё долго не захочет его сама.

Опрокинул на кровать, навалился сверху, руки придавил, чтоб не дергалась. Но она не стала дергаться. Сопротивлять-

ся.

Ладонь безудержно трогает тело. Гладит, царапает, ощущает. Дернул лямку майки, обнажив белую грудь. В первый раз он увидел её вот так, прямо перед глазами. Белая, круглая, с идеальным розовым соском. Жадно впился губами в сосок и уперся членом в ногу Тины.

Она лежит безучастно. Не сопротивляется, но и не помогает. Не отталкивает, но и не обнимает.

А ему всё равно, он жаден и голоден. Ему надо.

Член уже твёрдый как камень. Молчание Тины, означает согласие. Пусть не отвечает, сейчас Давиду все равно.

Он привстал, рванул шорты с сердечками, раздвинул ноги.

Тина вздохнула, когда он проник членом в её промежность. Слегка выгнулась, закрыла глаза и отрешенно откинулась. А он не стал останавливаться и терзает, глядя в безучастное лицо. Трахает с нескрываемой злостью. Целует равнодушные губы, хватается за грудь. Тина не упирается, лежит с закрытыми глазами, позволяя себя трахать.

И вдруг очнулась, схватила за его плечи, ударила ладонями звонко. Выгнулась и застонала.

- Давай, кончи для меня, - проговорил улыбаясь и она резко начала сопротивляться пытаясь сдержать удовольствие, которое независимо от её желания заполняет тело.

- Нет, - говорит и дышит всё быстрее, - я не хочу! - выкрикивает, а сама хватается за Давида.

- Да детка, сейчас, давай сейчас, - говорит он ей в лицо и впивается в её рот беспощадным поцелуем.

- Ты моя, Тина, ты моя! – говорит Давид, всем телом ощущает, как дернулась она и уже в следующую секунду натужный стон Тины разорвал тишину.

Не знаю, за что больше себя ненавижу, за то что получаю удовольствие или за то что не сопротивляюсь.

Давид поднялся, заправился.

- Ну вот, а ты не хотела. Наслаждайся, жена.

Уже второй раз он трахает меня даже не раздеваясь.

- Пошел ты. Всё равно я сбегу отсюда и с тобой разведусь, - процедила сквозь зубы.

Он сгрёб одной рукой остатки майки, которые всё ещё на мне болтаются и приподнял меня над кроватью.

- Даже и не думай. Я тебя поймаю, и тогда будет не так сладко, как сейчас.

- А мне и сейчас не сладко. Мне противно, - я постаралась вложить в эти слова как можно больше презрения.

В глазах его мелькнула ярость. Дыхание зверя заставило меня сжаться в ожидании удара. Но Барон только сильнее притянул меня к себе и проговорил грозным шёпотом:

- А кто сейчас стонал?

- Я притворялась, - говорю холодно.

Он оттолкнул, и я снова упала на кровать. Взгляд его прошелся по мне медленно и страшно. Казалось он смотрит и решает, как бы ещё сделать так, чтобы было больнее.

- Одевайся и я жду тебя внизу. Поедешь со мной.

- Я никуда не поеду.

- Ну ты же хочешь сбежать, вот у тебя появился шанс.

- Ладно, что одевать? – подыграла я его сарказму.

- Что-нибудь красивое. Хочу показать тебя своим друзьям. Пусть завидуют.

- Хорошо, но сначала я приму душ, - говорю и всем видом показываю, как мне хочется смыть поскорее свидетельства его ненавистных объятий.

Давид посмотрел на часы, потом на меня и приказал:

- У тебя полчаса.

И вошел из спальни.

С минуту я лежа на кровати. Никак не могла заставить себя встать и начать собираться. Скрутилась, стянула одеяло и уткнулась в него.

Внутри пустота. Зияющая дыра сознания. Пытаюсь ухватиться за прошлое вспомнить и с новой силой зажечь свою ненависть. А не получается. Хотелось бороться противостоять, не слушаться и не выполнять приказы.

Тело ноет от этих диких захватов, от яростных проникновений. Губы болят от жестких поцелуев. Щёки горят оцарапанные щетиной. Тело моё использованное требует бунта и неподчинения. Но разумом понимаю, если не подчинюсь,

телу достанется ещё больше. Да и ненависть какая-то уже не та. Слабая, трусливая. Не ненависть вовсе, а так, что-то давно непохожее.

Минута прошла, я быстро встала и пошла в душ.

Через полчаса спускаюсь по лестнице. В красном платье, ласково обхватившем моё тело, скользя по коже и напоминая, что кроме грубых касаний есть ещё нежные. Черные туфли на шпильке. В руке небольшой золотистый клатч.

Волосы не стала никак закалывать, оставила распущенными.

Спускаюсь, цокая каблуками по мраморным ступеням и слышу, как стихает в гостиной гул голосов. Ещё пара ступеней и я появлюсь на всеобщее обозрение.

Шаг, другой.

Передо мной толпа бандитов. Все как один повернулись и вперили в меня свои взгляды.

Тишина прорезала гостиную. Все замолкли.

Я стою перед ними не знаю, что делать дальше. Чувствую, как начинают трястись пальцы. В горле пересохло, я судорожно сглотнула. Надеюсь, мой взгляд не был слишком испуган.

- А вот и Тина, - Барон пошел ко мне.

В толпе черных костюмов я даже не сразу его узнала. Подошел, подал руку, а я ухватилась за неё как за спасение.

- Сегодня великий день. Все увидят тебя - мою жену. Это считай, что ты приобретаешь официальный статус – Жена черного Барона, - говорит и почти на неё не смотрит.

Тина сидит на заднем сидении машины зажатая между Давидом и Тиграном.

- Может, поедem другой дорогой, - проговорил Тигран, - не нравится мне тот Мерс, он два раза свернул за нами.

Вадим на водительском быстро отреагировал, глянул в зеркало на Давида тот кивнул. Свернули в первый поворот, Мерс поехал дальше.

- У тебя паранойя, - усмехнулся Вадим.

- Лучше перестраховаться, - Давид напряженно всматривается в тёмное стекло.

- А что они нам сделают, если только из гранатомёта пульнут, - глянул в зеркало Вадим.

- Осторожность никогда не помешает. Позвони парням, скажи - мы поехали другой дорогой.

Тигран набрал номер.

- Да... мы тут съехали немного, будем через пять минут... Да.

Тина сидит неподвижно, сжала пальцы на сумке. Напряжённо смотрит вперёд.

Машины остановились у клуба. Клуб закрытый, только для своих. Вся криминальная тусовка города и окрестностей

отмечает здесь свои праздники и мероприятия. Парни уже стоят наготове. Взгляды сканеры прочесывают окрестности.

Броневи́к Дави́да заехал на стоянку. Вышли. Охрана оцепила с двух сторон. Двинулись к входу.

- Ну вот видишь, а ты волновался, показалось тебе Тигран,
- Давид положил ладонь на плечо парня.

- Наверное, - напряженно осмотрелся по сторонам Тигран.
Вошли. Внутри уже полно народу. Столы ломятся от вычурных нарезок, закусок и выпивки. Народ уже начал гулять.

Сходка проходит по семейному, с женами, типа по поводу дня рожденья Гоши Блондина. На самом деле обсудить немного дел под прикрытием большого банкета и с большим количеством охраны у каждого из главарей. Никак не делят спорные территории, да и Сявины „огороды,, тоже теперь нужно делить.

Давид тянет Тину за собой, она безропотно идёт следом. Несколько проходных знакомств. Давид представил Тину паре сошек поменьше. Подошли к Гоше Блондину.

- Приветствуем, - тот осмотрел Тину беглым взглядом.
Блондин - понятно почему, потому что природный блондин с серыми глазками и невзрачным лицом с крупными веснушками. На вид простой такой парень, в клетчатом пиджаке, но все знают его кровожадные пристрастия. Впрочем, у кого их нет.

Рядом его жена, накачанная силиконом блондинка Тамара, натянутая до последнего придела во всех каких можно

местах. Губы, торчащие как у утки, грудь круглыми шариками в прорезе довольно откровенного платья и задница.

Жена Блондина бросила высокомерный взгляд на Тину, показывая всем видом, кто на свете всех милее. Причём сам Гоша откопал её на какой-то вонючей помойке, в одном из его квартирных притонов. Теперь она вторая женщина в городе, после жены мера соответственно.

Но теперь у Барона тоже есть жена и значимость жены Гоши может оказаться довольно шаткой. Придётся королеве подвинуться, пришла ещё одна королева.

- Ну что, поздравляю, - сказал Давид. Пожали руки.
- Ты женился? - криво усмехнулся Блондин.
- Да, знакомься – Тина Потоцкая, теперь - моя жена.
- Потоцкая? – взгляд Гоши Блондина снова на Тину, уже внимательнее с остановками.

Тина кинула на него злой взгляд.

- Со вчерашнего дня - Ольшанская. Мою фамилию взяла,

- довольно улыбнулся Давид и положил тяжелую ладонь на талию Тине, отчего она вздрогнула.

- И так и так ничего, можно даже через тире говорить Ольшанская-Потоцкая, будет важно звучать, - улыбнулся Блондин.

- Можно и так. А что у Кеты времени не нашлось? – спросил Давид, выискивая взглядом ещё одного конкурента.

- Звонил, будет позже. Так что пока проходите, наслаждайтесь вечером, - сказал Блондин, взял руку Тины, по-

смотрел на неё и отпустил.

Давид потянул Тину дальше, к столам. По дороге кивнул нескольким уже присевшим за столы. Кому-то махнул. С кем-то поздоровался за руку.

В зале полно танцовщиц в полуголых нарядах.

- Ну что садись, я нам выпить принесу, - отодвинул стул и посмотрел в лицо Тине.

Она как замороженная, неживая, равнодушная. Без эмоций села на стул, а Давид ещё секунду задержался... и этот момент что-то стукнуло, в зале произошло какое-то движение... кто-то вскрикнул. Давид увидел, периметр занимают, люди в черных балаклавах.

Секунда - взгляд метнулся к охране...

Другая – что-то защелкало, зазвучали автоматные очереди, посыпался град пуль...

Третья - Тина вскочила с места, загородила Давида... ойкнула и врезалась в его объятия, он не удержался от такого толчка, пошатнулся, упал на спину, увлекая Тину за собой.

Несколько долгих секунд он не соображал вообще, только прижимал к себе Тину и пытался вместе с ней отползти за стол.

Крики, женский визг, гул выстрелов, всё перемешалось.

Люди падали друг на друга. Женщины, мужчины, все. Это продолжалось всего несколько десятков секунд, может полминуты, но это была страшная, человеческая мясорубка, где выживших просто не должно быть.

А потом... всё затихло...

Страшная, мёртвая тишина...

- Ты в порядке? - прошептал, озираясь, прислушиваясь и прижимая стройное тело испуганной и дрожащей Тины.

Ответа не получил.

- Тина, девочка ты как? Не время играть в молчанку, - привстал, приподнимая Тину, но обмякшее её тело сползло на пол.

Давид вытянул голову, осмотрелся, в зале никого. Живо-го. Стрелки ушли, оставив после себя кровавое месиво мерт-вых людей.

Картина ужасающая даже для Давида. Он часто бывал в перестрелках, терял бойцов, сам был ранен, один раз сразу семеро не вернулись с задания, но... чтобы вот так. Подчи-стую, вся сходка.

Шок и совсем нелёгкий задержал сознание на несколько секунд, а когда отпустил, Давид снова повернулся к Тине.

Она лежит тихо, не двигаясь, глаза закрыты.

Потрогал её тело в разных местах, но ничего не обнару-жил. Красная ткань платья не даёт понять, откуда кровь.

- Девочка? - он перевернул Тину, подхватил под спину и под голову и почувствовал что-то липкое в её волосах, выта-щил руку и увидел кровь, - Черт, черт!

В этот момент слышались быстрые шаги, в зал заходят люди, но Давид уже ничего не видит, ничего не понимает.

- Помогите, - прошептал лишь одними губами глядя в бледное лицо Тины, - Помогите, - сказал громче, а потом со всей силы своего голоса, - Помогите!

Дальше как во сне, люди в штатском, охрана, полицейские, медики. Давид схватил Тину как пушинку и бежал к выходу. Состояние безумного страха и абсолютной своей беспомощности толкало вперёд, туда, где помощь.

Понимание ещё не пришло, сознание ещё требует разбудить, оживить. Нет ощущения, что смерть совсем рядом с ним, очень близко. Ещё давит на голову мысль непривычная, новая, о том, что виноват он сам, это его собственная вина.

В скорой, с безумным взглядом, цепляется за руку Тины, всматривается в ее лицо и жадно смотрит на пальцы врача, когда тот прижимает артерию.

- Нет, нет, - повторяют губы, - Господи, только не это прошу, только не это.

Очень близко черта, за которой ничего не будет. Пустота. Каждое мгновение может стать последним.

- Делайте что-нибудь!

- Вы ранены, дайте я осмотрю вас, - поворачивается к нему медсестра.

- Делайте что-то, спасайте её! - отталкивает от себя чужие руки.

Даже не понимает что ранен, боли нет он её не чувствует,

только кровь сочится сквозь рукав пиджака.

- Ей возможно уже ничем не помочь, - сказал кто-то из них.

Черная туча встала перед глазами Давида, заполонила всё. Он ничего не видит, но пытается смотреть сквозь непроглядное пространство, чтобы снова увидеть лицо Тины. Оно тает, укрытое чем-то серым и почти исчезает, но потом опять врывается сознание и Давид резко понимает только что сказанные слова.

- Что, сука! Если ты не спасёшь ее, клянусь...

- Прекратите угрожать, вы видели сколько людей погибло, думаете, они этого хотели?

- Мне на них плевать, я хочу, чтобы вы спасли Тину! Взгляд стеклянный. Безумный, злой. И отчаянный.

Кровь сочится с руки прямо на пол скорой, но Давид не даёт осмотреть руку.

- Если вы ее не спасёте...

- Не надо меня пугать! - повысил голос доктор.

Что-то щёлкнуло в голове и Давид перестал быть злым, он почувствовал, как на глаза его набегают слёзы.

- Умоляю вас, просите, что хотите, только спасите ее.

В больнице он бежал за каталкой, рвался в операционную, но его скрутили и непонятно как сумели уколоть.

Сквозь помутившееся сознание, последнее, что он помнит - если они не спасут Тину, он перестреляет их всех.

Открыл глаза. Белые стены больничной палаты.

Давид резко дернулся, попытался встать. В голове туман.

Неясно, утро или вечер.

День. Кажется сейчас день. За шторой, в желании ворваться в комнату, бьются лучи яркого солнца.

Давид сел на кровати. Нужно срочно куда-то идти, но куда? Сразу не смог вспомнить.

В голове запульсировало – Тина!

Резко встал, голова закружилась. Что-то стягивает руку. Медленно, как в тумане посмотрел. Рука перевязана у предплечья.

Двинулся к выходу, толкнул дверь. На стуле рядом с дверью полицейский сразу встал.

- Вам нельзя выходить.

- Пошел к черту! - оттолкнул Давид патрульного, но парень крепко схватил за руку. - Не останавливай, мне нужно идти.

- Вы никуда не пойдете, вы под арестом.

- Мне плевать, я хочу видеть Тину!

- Нельзя!

Небольшая борьба и Давид в наручниках снова в комнате.

- Позовите доктора и моего адвоката. Что за хрень, что за прятки? Ты ещё пожалеешь, урод!

В голове уже немного прояснилось, стало окончательно понятно - выйти не удастся.

- Зови доктора, я сказал! - выкрикивает Давид.

Беспомощный. Ни его парней из охраны, ни оружия, ничего. Впервые за много лет такой беспомощный.

Вскоре дверь открылась, вошёл человек в костюме доктора. На бейджике имя отчество и фамилия, но Давид как не пытается, не может прочитать, все ещё рябит в глазах.

- Добрый день, Давид Муратович, - голос доктора приятный, успокаивающий.

- Где она, что с ней?

Доктор остановился недалеко, явно боясь подойти.

- Вы о вашей жене?

- Ну о ком же ещё?

Доктор посмотрел в сторону, потом снова на Давида и это плохой знак. Ищет слова, подбирает что сказать.

- К сожалению...

- Она жива? - проговорил, чувствуя как холодеет все внутри, и повторил словно цепляясь за эти слова в последний раз,

- Она жива?

- Да, жива.

Давид выдохнул. Значит все хорошо. Главное, что Тина жива, остальное уже не важно.

- Но состоянии ее нестабильно-тяжёлое. Сейчас она в коме, - теперь голос доктора твёрдый, даже жесткий, беспощадно констатирующий.

- Что... что за хрень вы несёте?

- Ваша жена, тина Ольшанская - в коме. И учитывая тяжесть ее состояния, мы не можем...

- Нет, вы можете, я требую...

- Пуля пробила череп, но не задела мозг, поэтому сейчас ничего нельзя утверждать. Останется ли она в сознании, и как это отразится на двигательных функциях организма говорить рано. Предстоит сложная операция...

- Так делайте! Чего же вы стоите! Плачу любые деньги, только спасите ее доктор! Я заплачу, сколько скажете, только спасите!

- И ещё одно, мы не знаем, как это отразится на плоде, - проговорил доктор.

- Что? – Давид привстал.

- Ваша жена беременна.

- К... как это... беременна? – беспомощно сел опять.

- Анализ крови показал беременность. Ранний срок.

И вот тут он понял насколько все зыбко. Как песок сквозь пальцы.

Только что он был хозяином жизни, собирался наслаждаться, изощрялся в мечтах, как будет истязать Тину, а теперь так ясно ощутил, что может потерять её навсегда. Больше никогда не будет никаких шансов.

Он арестован, Тина в коме, парней ни одного нет. Никто не может прийти к нему, чтобы не быть арестованным, да и не знает Давид, кто жив, а кто нет.

Беспокойство внутри. Тормозит каждую минуту, заставляет прислушиваться. Нужно ждать. Он не может быть буйным, чтобы не накололи и не надели смирительную рубашку.

Трудно. Безумно утомительно. Лучше бы он был там, рядом с ней, у дверей операционной.

Спустя несколько часов пришел доктор. Явно только с операции. Устало сел на стул у стены, снял очки, достал из кармана платок, протер стекла. Давид сел на кровати. Чувствует напряжение челюсти, до скрипа в зубах.

- Как она, доктор?

Сцепил пальцы до хруста.

- Операция прошла успешно, но нужно ждать, пока рано говорить...

Тон обнадеживающий.

- Успешно, - эхом повторил Давид.

- Сегодня вас переводят, - продолжил доктор, надевая очки.

- Куда? А, ну да, - усмехнулся, - в СИЗО.

- Там хорошие медики. Вам требуется только перевязка.

- Доктор, - Давид посмотрел на бейдж, - Валентин Романович, я вас прошу, умоляю, позаботьтесь о ней. Вам заплатят. Только, пожалуйста, чтобы она ни в чём не нуждалась. Всё самое лучшее, лекарства, палаты, самые дорогие.

- Я позабочусь, - устало кивнул доктор.

- Я буду надеяться только на вас. Понимаете, у неё никого нет кроме меня. Только я и вы.

- Я всё сделаю, не волнуйтесь.

- Спасибо вам. – Давид помолчал, и добавил, - А я могу её увидеть?

- Боюсь, что нет. Она в реанимации, туда вход запрещён.

- Понимаю.

Доктор ушел, а Давид долго ещё лежал, задумчиво глядя в потолок.

Вечером перевезли в СИЗО. Отдельная камера. Почти комфортабельная. В девять пришел адвокат.

- Почему так долго? – Давид недовольно глянул на Колчина.

- Формальности, ты же знаешь как у них тут всё, – усмехнулся адвокат.

Хороший знак, если усмехается.

- Что имеем? – покривился Давид от боли в руке.

- Да ничего, они суетятся, чтобы такое тебе пришить, а ничего нет. Облом. Ты же ничего не совершал.

- Ничего, - кивнул Давид.

Работают на камеру.

- Вот я так и сказал - предъявите обвинение или отпус-

кайте. Но ты же знаешь, всё равно сорок восемь часов продержат.

- Ладно, посидим.

Обсудили негласно, что говорить. И Колчин ушел, обнадёжив, что уже завтра к вечеру Давид будет свободен.

На следующее утро к следователю. Вопросы - ответы. Давид говорит, что знает по поводу перестрелки - приехал на день рождение друга, а тут такое. Ничего не знаю, кто такие эти люди в балаклавах, не ведаю.

Блондин застрелен вместе с женой. Мелких тоже замочили, всех считай. Вся сходка была застрелена.

- Как вы думаете, кто из ваших конкурентов это устроил? – спрашивает следователь, не особо сильно интересуясь.

Вопрос конечно интересный. Давид не намерен на него отвечать, потому что очень хорошо знает ответ. Кого, одного единственного не было на сходке?

Одной падлы! Кеты не было. Значит он и заказчик.

Но следователю этого знать не нужно, а если он и знает, то молчит. И Давид молчит. Незачем лишать себя удовольствия сунуть в дерьмо рожу Кеты. Нет, сначала накормить его же дерьмом, а потом утопить, вот такая смерть его ждёт.

На львов обычно кидается только стайка трусливых гиен. Давид будет убивать эту гиену медленно и мучительно. Мсть будет страшной. Давид будет мстить не за бойню, а за Тину.

Конечно, легавые поставят слежку, но это вообще не про-

блема.

Нужно только выйти из СИЗО.

Вздохнула и широко распахнула глаза.

Что-то красное в мутной дымке, не могу понять что это?

Кровь, шторы или... рассеянный взгляд прояснился, я увидела рядом с собой на тумбочке огромный букет красных роз.

Что это значит?

Повела взглядом по комнате, тёмная фигура шелохнулась и нависла надо мной.

- Тина, Тина, слышишь меня?

Барон. Его лицо. Обеспокоенное и такое красивое. Смотрю на него и хочу сказать, как долго я жду его и как сильно люблю. Губы пошевелились, а голоса нет. Себя не слышу.

Пальцы Барона на моей щеке. Что-то стянуло голову. Она перевязана так туго, что я плохо соображаю. Ничего не могу вспомнить, почему я здесь, что произошло?

Помню только, как сильно люблю Давида. Он здесь, рядом со мной.

Я протянула руку и почувствовала его тёплую ладонь, обхватившую мои пальцы.

- Любимая моя, всё будет хорошо, - прошептал он и я улыбнулась.

Хочу что-то сказать, но не могу выдать ни звука. Только смотрю на него с нежностью и не понимаю, почему так.

Кто-то вошел.

Давид отошел в сторону. Я беспокойно потянулась за ним.

- Не уходи, - шевелю губами.

- Нет, нет, я не уйду, не волнуйся. Я тут, с тобой.

Я сразу успокоилась. Медсестра поставила капельницу и ушла. Потом вошел мужчина. Доктор. Он кивнул Давиду и подошел ко мне, положил ладонь на мой лоб, приподнял веко, заглянул в глаза.

- Ну что, теперь можно говорить о выздоровлении. О полном, не скажу, возможно, будет все не быстро, и не сразу.

Он пошел к выходу Давид за ним.

- Не уходи, - испуганно шепчу.

- Я сейчас, любимая, одну минутку.

И он вышел.

Давид вышел за доктором. Он обернулся и остановился.

- Ну что считайте, повезло. Единственное, что может быть какое-то время возможны провалы в памяти.

- Вот я и хотел спросить.

- Да, такое возможно, но память может полностью вернуться в любой момент, а может никогда не вернуться. Что-то помнит, а что-то напрочь забыла.

- Ясно, - Давид почесал щеку.

Трёхдневная щетина, не выспавшийся взгляд. С того дня как его отпустили он всё время в больнице. Один раз съездил домой принять душ и переодеться.

- Главное, окружите её заботой и любовью, тогда всё будет хорошо. Это я могу обещать точно.

Давид кивнул. Теперь понятно почему Тина смотрит на него так. Она не помнит того что было вчера и позавчера. Хорошо если бы вообще не вспомнила.

Черт. Неужели Бог снова даёт шанс? Неужели за все эти чертовы годы он всё-таки получит крупицу хорошего. Вот теперь реально должен задуматься и определить, что с этим делать, как распорядиться.

Нельзя снова всё испохабить, из-за дурной злости на Лизу, которая тогда променяла его на сраного козла Поточу. Забыть, не помнить того что было, как Тина забыла всё. И начать с чистого абсолютно листа. Сейчас или никогда.

Да он сделает всё, чтобы его жена Тина Потоцкая была счастлива. И даже если бы она не была беременна, и была при памяти, сейчас его задача оградить её от всего. Чтобы видела и чувствовала только его любовь. Только её.

Пока она была в коме за эти несколько дней, он рассмотрел её всю. Её лицо, тело. Внимательно и жадно рассмотрел каждый палец на руке, на ноге. Каждую родинку запомнил. Сколько раз он дотрагивался до Тины, чтобы почувствовать под пальцами шелк её кожи. Сколько раз повторил шепотом

её имя. Сколько раз ночью хотелось лечь с ней рядом, прижаться к её телу, согреть его. Обвить и не отпускать.

Когда она сама вздохнула в первый раз, он позвал врачей. Сказали, совсем скоро она придёт в сознание. Давид каждую секунду ждал этого момента. Хотел, чтобы она увидела его первым.

Сколько всего передумал. Она - маленькая девочка со страшной целью внутри молодого сердца, пришла к нему, чтобы отомстить за родителей. Отчаянная, смелая. Но у него также было ощущение, что она пришла ещё по какой-то причине. Не для мести, для того чтобы заявить о себе, что - вот она я, какая есть, а он не видит.

- Давид, Давид... - бессвязно, в бреду повторяет она только губами.

Он склоняется над ними и почти ощущает их вкус на своих губах. Хочет коснуться, прижаться, смять в жадном поцелуе, но нельзя, и только слышит её болезненный шепот.

Тина зовёт - его, а не кого-то другого. Он там, в её мыслях. В её болезненном сознании - он есть.

Вот почему она пришла.

Всё это время он с нетерпением ждал её пробуждения. Обещал богу все, что только можно пообещать, лишь бы Тина открыла глаза. Пусть она будет его ненавидеть, но только пусть живёт.

Не ходил, не выискивал врагов, не горел желанием отомстить. Он отодвинул это на потом. Бросаться и всех кро-

шить прямо сейчас, глупо и предсказуемо. Сейчас лучше за-
таиться, сделать вид, что в неведении. Не время.

Желание быть здесь, рядом с Тиной единственное жела-
ние Давида.

Тина принадлежит ему. Только ему и никогда не будет
принадлежать никому другому.

Снова вошел в палату, Тина улыбнулась лучезарно, по-
детски. Это была самая прекрасная улыбка, какую Давид ко-
гда-либо видел. Он сел рядом и тоже улыбнулся.

- Что он сказал? – проговорила Тина, её голос прозвучал
необычно резко.

Шепот закончился. Уже хорошо.

- Сказал, скоро ты поправишься, и мы поедем домой.

- Домой?

Что для неё - дом, он не знает, но должен сделать так, что-
бы его дом стал для неё самым лучшим домом.

Он прижал к губам маленькую ладонь Тины.

- Не волнуйся, скоро мы поедем домой.

8

Двое охранников у палаты. Давид вышел, кивнул и он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.